

Вице-Адмиралъ
Свѣтлѣйшій Князь А. А. Ливенъ.

Духъ и дисциплина нашего флота.

I. Нашъ личный составъ до и во время войны.—
II. Военное воспитаніе.—III. Состояніе духа и дис-
циплины въ нашемъ флотѣ.—Заключеніе.

ВТОРОЕ (ПОСМЕРТНОЕ) ИЗДАНИЕ.

16118

Изданіе Морского Генеральнаго Штаба.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная Типографія Императрицы Екатерины Великой
(възданіи Главнаго Штаба).

1914.

Предисловіе ко 2-му (посмертному) изданію.

Настоящая работа написана нынѣ покойнымъ свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Александровичемъ Ливенъ въ 1908 году, въ тотъ чрезвычайно тяжелый для нашего флота періодъ, когда подъ вліяніемъ испытанныхъ поражений и ряда другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, дисциплина во флотѣ была подорвана въ корнѣ и казалось, что дѣло возсозданія нашей военно-морской силы погребло окончательно. Посвятившій всю свою жизнь морской службѣ, горячо любившій свое дѣло, князь А. А. Ливенъ не могъ примириться съ такимъ положеніемъ, не сдѣлавши попытки найти изъ него какой-нибудь выходъ. Но для этого, конечно, прежде всего нужно было разобраться въ причинахъ упадка дисциплины и недостатковъ нашей военно-морской организаціи. Это и вызвало статью князя „Духъ и дисциплина нашего флота“, съ которой онъ обратился къ своимъ сослуживцамъ.

Таковы мотивы, которые руководили княземъ А. А. Ливенъ въ его работѣ, такова основная цѣль, къ которой онъ стремился.

Съ тѣхъ поръ прошло уже довольно много времени и многое, конечно, измѣнилось. Наши экипажи, слава Богу, больше не приходится охранять войсками, а суда обезоруживать. Но можемъ ли мы сказать, что организація и дисциплина у насъ уже достигли того совершенства, когда можно спокойно сложивши руки смотрѣть на достигнутые результаты. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи не можетъ быть двухъ мнѣній. Много сдѣлано, но много еще предстоитъ сдѣлать. И вотъ въ этой предстоящей, будущей работѣ, статья свѣтлѣйшаго князя А. А. Ливена, освѣщающая причины нашихъ недостатковъ и указывающая пути ихъ исправленія, является цѣннымъ и необходимымъ пособіемъ. И чѣмъ шире проникнуть его идеи въ нашу военно-морскую среду, тѣмъ дружнѣе, единодушнѣе можетъ быть работа.

Осуществленіе этой задачи и преслѣдуетъ переизданіе упомянутой книги князя Ливена. Но было бы совершенно ошибочно

думать, что значеніе печатаемой ниже работы ограничивается тѣми скромными практическими рамками, которыя указаны княземъ въ его предисловіи: „разобраться въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ и содѣйствовать по мѣрѣ силъ и разумія выясненію настоящаго положенія нашего флота“. Хотя, какъ онъ пишетъ, сообразно съ этимъ „теоретическіе вопросы затронуты имъ лишь настолько, насколько они понадобились для этой прямой задачи“, тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, работа эта и въ области нашей теоретической военно-морской мысли должна занять почетное мѣсто среди лучшихъ сочиненій, посвященныхъ аналогичнымъ вопросамъ.

Съ этой точки зрѣнія наибольшее значеніе имѣетъ часть II-я работы, озаглавленная „Военное воспитаніе“. Уже въ первой части („Нашъ личный составъ до и во время войны“), разбираясь въ томъ, чего, главнымъ образомъ, не хватало во время войны нашему личному составу и придя къ убѣжденію, что причины неудачъ нужно искать не въ томъ, что къ военному дѣлу мы относились недостаточно серьезно и добросовѣстно, а въ томъ, что самое существо и особенности этого дѣла были недостаточно ясно сознаваемы, князь Ливенъ, желая восполнить этотъ недостатокъ, даетъ удивительный, мы бы сказали безпримѣрный по своей ясности и глубинѣ, чисто теоретическій анализъ тѣхъ отличительныхъ особенностей, которыя рѣзко отграничиваютъ военное дѣло отъ всѣхъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Страницы 14, 15, гдѣ говорится объ основномъ характерѣ военнаго дѣла, направленіи воли военныхъ людей, военномъ воспитаніи и значеніи войсковыхъ частей, являются образцомъ истинно научнаго изслѣдованія самаго существа военнаго дѣла, его глубочайшихъ основъ. Это тѣ общія идеи, безъ распространенія которыхъ невозможно созданіе единаго флота, единой морской силы.

То, что намѣчено въ первой части, получаетъ дальнѣйшее и детальное, но опять-таки вполне научно-теоретическое развитіе во второй части работы князя. Военное сознаніе и военный духъ — эти основы военно-морской силы — необходимо создавать. Но какъ это сдѣлать? Какъ это *дѣлалось* и какъ *дѣлается*? И вотъ князь обозрѣваетъ существующее, созданное для достиженія этой цѣли вѣками, естественнымъ ходомъ историческаго развитія. Его проинициательный аналитическій умъ, освѣщенный истиннымъ военнымъ сознаніемъ, безошибочно указываетъ ему куда нужно обратить свое вниманіе, каковы должны быть важнѣйшіе объекты изслѣдованія. Постепенно передъ нами вырастаетъ сложная, но

тѣмъ не менѣе стройная система учреждений и институтовъ, созданныхъ съ цѣлью воспитанія и созданія этого военнаго духа. Войсковыя части, корпоративное начало, сплоченность, дружба, выборъ людей, право частей на подборъ своего состава, дисциплина, военная іерархія, единство власти, дѣйствіе власти по прямой линіи строевыхъ начальниковъ, знаніе начальниками подчиненныхъ, довѣріе къ начальнику, личность начальниковъ, и т. д., и т. д. объективно и всесторонне изслѣдуются и получаютъ глубокій смыслъ и значеніе, будучи разобраны съ точки зрѣнія ихъ вліянія на выработку и сохраненіе военнаго духа.

И при этомъ простое, ясное и сжатое изложеніе. Читаешь и ясно сознаешь, что все это, конечно, совершенно такъ, не можетъ быть иначе, все это какъ будто и раньше было извѣстно, но не приходило въ голову въ такомъ систематическомъ видѣ. Тѣ, кому на долю выпало счастье лично знать и близко соприкасаться съ покойнымъ княземъ, знаютъ какъ мысли, высказанныя въ его книгѣ, вполне соответствовали его благородной чисто рыцарской душѣ. И можетъ быть именно въ этомъ соответствіи, этой полной искренности и кроется одна изъ причинъ удивительной убѣдительности его работы.

Н. Нордманъ.

Предисловіе къ I-му изданію.

Предлагая настоящую статью на обсужденіе товарищей по службѣ, я желаю первымъ дѣломъ оговориться, что она вовсе не написана съ цѣлью хотя сколько нибудь подробно и полно излагать основы военной организаціи и дисциплины. Цѣль ея самая непосредственная: разобраться въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ и содѣйствовать по мѣрѣ силъ и разумѣнія выясненію настоящаго положенія нашего флота. Теоретическіе вопросы затронуты лишь на столько, на сколько они понадобились для этой прямой задачи.

Послѣ разгрома минувшей войны и полнаго крушенія даже внѣшнихъ признаковъ дисциплины во время бунтовъ мы теперь, наконецъ, дожили до того, что наши экипажи охраняются сухопутными войсками, что наши суда обезоруживаются передъ роспускомъ Государственной Думы, что большая часть рабочихъ на заводахъ распущена, и на этомъ мы остановились. Что-же дальше будетъ? Неужели мы на этомъ успокоимся? Я убѣжденъ, что причину всѣхъ нашихъ бѣдствій надо искать не въ обстоятельствахъ времени и не во внѣшнихъ вліяніяхъ, а исключительно въ нашемъ внутреннемъ строѣ и въ нашей организаціи. Въ продолженіе десятковъ послѣднихъ лѣтъ мы надѣлали цѣлый рядъ административныхъ и организаціонныхъ ошибокъ, все больше заблуждаясь по ложному пути, пока, наконецъ, не подточили всѣ внутреннія связи нашего зданія и не оказалось достаточнымъ одного щелчка, чтобы оно рушилось, какъ карточный домикъ. Особенно личный составъ нашъ пострадалъ, его систематически деморализировали, сами того не подозрѣвая и думая усовершенствовать его, подрывали всѣ его нравственные устои и довели его до полнаго распада. Вліяніе упадка его сказалось и до послѣднихъ катастрофъ на его взглядахъ и тенденціяхъ, на общей работѣ подготовки къ войнѣ и по оборудованію матеріальной части; но послѣднее время обнаружило его состояніе во всей наготѣ и къ намъ приставили часовыхъ.

Удивительнѣе всего, что объ этомъ послѣднемъ фактѣ у насъ во флотѣ менѣе всего беспокоятся. Очень много спорятъ о [мате-

ріальной части, о броненосцахъ и подводныхъ лодкахъ, о планахъ обороны, о плаваніи судовъ, объ образованіи активныхъ и резервныхъ эскадръ, о преобразованіи центральныхъ учреждений; но о строевомъ личномъ составѣ какъ-то мало говорятъ. Между тѣмъ ясно, что это должно быть нашей первой заботой. Какъ мы можемъ образовать эскадры, пока нѣтъ личнаго состава? Зачѣмъ толковать объ оборонѣ отечества, пока послѣднее принуждено обороняться отъ нашихъ безпорядковъ? Кто намъ доверитъ деньги, пока не убраны отъ насъ часовые? Или мы думаемъ, что это само собою уладится? Но этого отнюдь не будетъ. Слишкомъ много причинъ, поддерживающихъ безпорядокъ и мѣшающихъ водворенію дисциплины, чтобы это могло случиться. Намъ надо энергически взяться за дѣло, поправить сдѣланныя ошибки и изгладить старые грѣхи, а то чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. Объ этихъ старыхъ грѣхахъ и о способахъ къ ихъ исправленію я и намѣренъ потолковать. По моему, слишкомъ уже ясно, что главный нашъ недугъ кроется въ неправильной и несуразной организаціи нашего личнаго состава. Вотъ гдѣ намъ надо начать съ обновленіемъ флота. Какъ только люди будутъ на своихъ мѣстахъ въ подходящихъ условіяхъ, такъ все остальное пойдетъ само собою. Какъ только мы добьемся дружной организованной работы всего личнаго состава, такъ всѣ вопросы по матеріальной и хозяйственной части, по тактикѣ и стратегіи разрѣшатся самымъ естественнымъ и простымъ образомъ, ибо очутятся въ рукахъ компетентныхъ и заинтересованныхъ въ ихъ правильномъ рѣшеніи лицъ.

Если я говорю, что этимъ вопросомъ сравнительно мало интересуются, то это не значитъ, что о немъ совсѣмъ забыли. Нѣтъ, были попытки въ этомъ направленіи, сдѣланы даже нѣкоторыя перемѣны въ организаціи, а проектовъ создано даже значительное количество; но все это какъ-то не увѣренно, полумѣрами, безъ яснаго сознанія направленія. Видно, что мы еще не разобрались въ этомъ вопросѣ и не пришли къ опредѣленнымъ выводамъ. И въ нашихъ дѣйствіяхъ и въ нашихъ стремленіяхъ не видно руководящей нити, нѣтъ опредѣленнаго общепризнаннаго направленія. Для осуществленія-же такой огромной задачи, какъ обновленіе и возрожденіе флота, необходимо ясное сознаніе цѣли своей работы не только отдѣльныхъ руководящихъ лицъ, но и всей массы сотрудниковъ. Долголѣтнее дѣйствіе неправильныхъ принциповъ и возрѣній столь сильно повліяло на разныя отрасли нашей организаціи, что всѣ функціи ея до мель-

чайших мелочей пострадали. Только дружное и сознательное напряжение воли всего личного состава может содействовать быстрому восстановлению правильного его действия, а это немислимо без ясно сознанный цели. Цель же реформы не может определиться без выяснения причин, вызывающих таковую. Мы до сих пор не установили основных заблуждений и принципиальных ошибок, вызвавших нашу неурядицу. Между тем этот вопрос должен быть решенъ безусловно не только въ канцеляріяхъ Генеральнаго и Главнаго Штабовъ, но и въ сознаниі каждого мичмана. Это необходимый и первый шагъ къ возрожденію. Чтобы вылечить болѣзнь, надо первымъ долгомъ поставить діагнозъ. Изъ него леченіе само собой определится. Нашъ флотъ боленъ. Последний бунтъ во Владивостокѣ опять это доказалъ. Правильная постановка діагноза въ настоящій моментъ болѣе необходима, чѣмъ когда-либо, и обязанность всякаго изъ насъ по мѣрѣ силъ и возможности содействовать этому дѣлу. Съ этой целью я и сѣлъ писать. Ниже я не приведу никакихъ новыхъ фактовъ или особенныхъ открытій. Я лишь постараюсь выставить всѣмъ известныя событія и отношенія въ томъ свѣтѣ, какъ я ихъ вижу. Многіе, можетъ быть, не согласятся, но для многаго, можетъ быть, и выйдетъ убѣдительно.

Февраль 1908 г.

1.

Нашъ личный составъ до и во время войны.

Начну съ того, что суть и основа всякаго живого дѣла заключается въ людяхъ, которымъ оно ввѣрено. Если повсюду подходящій человекъ на подходящемъ мѣстѣ, то непременно всѣ данныя средства будутъ использованы какъ слѣдуетъ. Въ военномъ же дѣлѣ личный составъ играетъ еще болѣе первостепенную роль, чѣмъ гдѣ-либо. Въ любомъ производствѣ результаты технической работы составляютъ цель всего дѣла, а у насъ техническая часть есть и остается только средствомъ въ рукахъ людей для борьбы противъ людей. Сила-же наша въ этой борьбѣ кроется въ энергій, находчивости, сплоченности и дисциплинѣ борцовъ. Но не только въ бою, а и въ мирное время въ періодъ подготовленія къ войнѣ, техника служитъ только безгласной исполнительницей указаній военныхъ начальниковъ, и если ей дано невѣрное направленіе, то это вполне зависитъ отъ ошибочныхъ воззрѣній въ средѣ строевого состава.

Значеніе
личнаго со-
става.

Многіе обвиняли нашу технику послѣ минувшей войны. Снаряды были плохіе, суда тихоходныя и плохо защищенныя, броненосцы перевертывались и т. д. и т. д. Но большинство этихъ обвиненій не справедливо. Конечно, наши заводы не на высотѣ Англійскихъ и Германскихъ. Они работаютъ и медленнѣе и дороже и не такъ аккуратно. Но эти недостатки приводятъ лишь къ тому, что у насъ приходится тратить больше денегъ и времени для достиженія тѣхъ-же результатовъ какъ и за границей. Въ концѣ концовъ наши заводы дали намъ приблизительно то, что отъ нихъ требовалось. Если мы ближе присмотримся къ главнымъ недостаткамъ нашей технической части въ эту войну, то мы убѣдимся, что они происходили не столько отъ неудовлетворительнаго исполненія, сколько отъ невѣрнаго замысла. Почему у насъ снаряды были плохи? Не потому, что ихъ не умѣли лучше изготовлять, а потому, что между артиллеристами установился взглядъ, что такими

Личный со-
ставъ в тех-
ника.

именно снарядами слѣдуетъ стрѣлять. Ихъ считали хорошими. Откуда у насъ появились такіе бесполезныя суда, какъ „Паллада“, „Диана“, „Аврора“, „Громобой“, „Россия“? Развѣ заводы ихъ изобрѣли? А ходъ, бронированіе, вооруженіе судовъ, составъ эскадръ, ихъ расположеніе, снабженіе и обученіе, развѣ все это не было одобрено и утверждено самими выдающимися представителями строевого состава? И все это было до крайности неудовлетворительно.

Личный составъ и управление флота.

Развѣ всѣ эти факты не доказываютъ, что главной причиной плохого состоянія нашей матеріальной части была не низкая степень развитія нашей отечественной техники, а отсутствіе среди строевого состава правильныхъ и опредѣленныхъ взглядовъ на потребности войны. Фактъ этотъ подтверждается и нашими распоряженіями до и во время войны. Чѣмъ объяснить, что въ П.-Артурѣ помѣстили эскадру завѣдомо слабѣйшую непрітеля въ недостаточно укрѣпленной, неудобной и слишкомъ тѣсной гавани? Какъ можно было выбрать базой для флота эту самую крѣпость, выдвинутую въ море въ самый элементъ непрітеля и ничѣмъ не связанную со своей страной? Какъ можно было держать флотъ на Дальнемъ Востоке въ вооруженномъ резервѣ и поставить его послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній на вѣнній П.-Артурскій рейдъ? Все это вопросы ни чѣмъ инымъ не объяснимые, какъ полнымъ непониманіемъ военной обстановки нашимъ личнымъ составомъ. То же самое мы видимъ и дальше. Какъ могло случиться, что мы 2-ю Эскадру послали на вѣрную гибель въ Цусиму? Только оттого, что мы не сумѣли оцѣнить ни своихъ силъ, ни непріятельскихъ, ни задачи, возложенной на эту эскадру.

Значеніе отдельныхъ лицъ.

Тутъ не лишнее упомянуть, что въ томъ потокѣ чернилъ, который естественно пролился на нашу катастрофу, виновниками всѣхъ несчастій выставились отдѣльныя лица, несшія случайно въ данную минуту отвѣтственные обязанности начальниковъ. Но это столь-же неправильно, сколь оно несправедливо. Общественному мнѣнію и толпѣ вообще въ такихъ случаяхъ нуженъ козелъ отпущенія. Имъ вѣдь не надо поправить дѣло, а просто вылить свою злобу и для нихъ гораздо проще обрушиться на одного человека, нежели доискиваться истиннаго начала бѣдствія. На самомъ же дѣлѣ крушеніе такихъ размѣровъ, какъ наше, не можетъ быть дѣломъ рукъ одного человека. Оно также, какъ и побѣда, есть результатъ долголѣтней и усердной подготовки, и

лица, имена которыхъ теперь пользуются такой извѣстностью, суть только достойные представители своей среды. Конечно, они распорядились, и всѣ ошибки и неуразумности содѣланы ими непосредственно, но врядъ-ли они могли бы это совершить, если бы они со своими взглядами и убѣжденіями стояли одни. Немыслимо, чтобы какой-либо начальникъ проводилъ послѣдовательно распоряженія, неосновательность которыхъ ясно сознается большинствомъ или хотя значительной частью окружающихъ. Голосъ разума въ ихъ протестѣ непременно рано или поздно дошелъ бы до вниманія власть имущаго. Не нарочно же проигрываются сраженія. У насъ же число людей, сознающихъ опасность положенія, было такъ незначительно, и голосъ ихъ звучалъ такъ неуверенно и неясно, что онъ совершенно пропадалъ въ общей массѣ. Поэтому я и считаю себя въ правѣ сказать, что плохое состояніе и неудачное поведеніе нашего флота произошли отъ незнакомства съ потребностями войны всего нашего личного состава.

✓ Но какъ это могло случиться? Мы всѣ отлично знаемъ, что наши офицеры отъ адмирала до мичмана нисколько не хуже образованы, чѣмъ гдѣ-либо. Они въ этомъ отношеніи во всякомъ случаѣ стоятъ выше японцевъ. Н. Л. Кладъ обвинялъ насъ публично въ нежеланіи заниматься военно-морскими науками, но это просто на просто не соответствуетъ истинѣ. Военно-морскими науками очень интересовались въ морской средѣ. Были высокообразованные офицеры въ этомъ отношеніи именно среди вершинъ судебъ послѣдней войны, напримѣръ, адмиралъ Рожественскій, который изучалъ эти вопросы уже во всякомъ случаѣ не менѣе самого г. Клада. Но и въ большой массѣ офицеровъ военно-научныя сочиненія много читались, и вообще теоретическія занятія были въ большомъ ходу уже потому, что практики было мало и свободнаго времени много. У нашихъ офицеровъ наоборотъ теоретическія знанія, какъ въ технику, такъ и въ военно-морскихъ наукахъ очень хороши. Иногда приходилось даже удивляться относительному невѣжеству въ такихъ вопросахъ иностранцевъ, напримѣръ, англичанъ.

Однако, это намъ не помѣшало надѣлать массу грубѣйшихъ ошибокъ и по подготовкѣ къ войнѣ и при ея веденіи. Распространеніе ложныхъ взглядовъ и неправильная оцѣнка нашихъ силъ и нашего положенія исходила именно отъ самыхъ образо-

Теоретическое образованіе нашего личного состава.

Теоретическія заблужденія.

ванныхъ круговъ нашего флота. Вспомнимъ только утопичн о крейсерахъ для уничтоженія торговли, о базѣ въ Мозамбо среди непріятельскаго лагеря, уже не говоря объ администраціи и обученіи флота. Лучшимъ примѣромъ служить самъ Н. Л. Кладо. Онъ много писалъ; поэтому на немъ легче всего провѣрить сказанное. Развѣ онъ при всей своей учености видѣлъ, что нашъ личный составъ въ такомъ состояніи, что не можетъ сражаться? Развѣ онъ понялъ, что П.-Артуръ, какъ база для нашего флота никуда не годится? Развѣ онъ сумѣлъ оцѣнить печальное состояніе нашей 2-й Эскадры и невозможную задачу, возложенную на нее? Напротивъ, онъ этой и безъ того обремененной ненужнымъ хламомъ эскадрѣ старался послать на шею еще худшій хламъ. На ней и безъ того личный составъ былъ спѣшно собранъ и мало сплоченъ, онъ настаивалъ на посылкѣ ей судовъ съ еще болѣе сырымъ матеріаломъ людей, и этимъ увеличилъ не силу ея, а шансы безпорядка. Да и совершившіеся факты не открыли ему глаза. Стоитъ только прочесть его очеркъ военныхъ дѣйствій въ морской справочной книжкѣ 1906 года. По его описанію выходитъ очень просто. Никто—ни адмиралы, ни командиры, ни офицеры ничего не знали, не понимали и даже уклонялись отъ исполненія своихъ обязанностей. Больше Н. Л. Кладо изъ совершившихся событій ничего не заключилъ. Ему даже не пришло въ голову, что если люди начитавшіеся, могутъ его увѣрить, не меньше его самого научныхъ сочиненій, но обладающіе гораздо большей морской опытностью, чѣмъ онъ самъ, поступили такъ, какъ это было, то они имѣли самыя серьезныя причины. Неужели г. Кладо можетъ учить командировъ „Громобоя“ и „Россіи“ во сколькихъ котлахъ слѣдуетъ держать пары въ крейсерствѣ? Между тѣмъ онъ говоритъ, что къ сожалѣнію даже механики держались того взгляда, что въ крейсерствѣ надо имѣть подъ парами всѣ котлы. Да неужели онъ не чувствуетъ, что если командиры и механики были такого мнѣнія, то значить обстоятельства того требовали, и что самый фактъ этотъ показываетъ только, какъ его Н. Л. Кладо теоретическія соображенія не оправдались на практикѣ. И такъ вездѣ во всемъ очеркѣ. Онъ только рассказываетъ и возмущается какъ и что не хорошо вышло. Да это мы всѣ знаемъ. Но почему такъ случилось? Отъ чтенія его очерка получается впечатлѣніе, будто всѣ наши офицеры отъ адмирала до мичмана круглые неувѣжды. Но это очевидно не такъ. Значить, были другія причины нашихъ неудачъ. Но какія-же? Объ этомъ мы у г. Кладо ничего не узнаемъ. И такъ онѣ ему неизвѣстны,

и мы имѣемъ полное основаніе думать, что если ему поручить подобное же дѣло, то эти же причины не будутъ устранены и результатъ получится тождественный съ предыдущимъ. Какая же тогда польза отъ его учености?

Нѣтъ, для руководства военнымъ дѣломъ однихъ знаній мало. Наполеонъ говорилъ, что для веденія боя надо изучить по крайней мѣрѣ 50 сраженій, но я думаю онъ былъ бы очень удивленъ, если бы кто изъ этого вывелъ заключеніе, что, изучивъ 50 сраженій, человекъ уже и готовый полководецъ. Для правильной оцѣнки военныхъ вопросовъ надо быть военнымъ не только по своимъ знаніямъ, но и по своимъ чувствамъ, по своимъ взглядамъ и по своему характеру.

Надо имѣть, что можно назвать въ отличіе отъ знаній военнымъ сознаніемъ, которое приобрѣтается не образованіемъ, а воспитаніемъ.

Военное дѣло по существу сильно отличается отъ всѣхъ другихъ отраслей человѣческой дѣятельности. Война есть послѣдній, крайній аргументъ въ сношеніяхъ людей между собой, и вооруженныя силы народовъ имѣютъ назначеніе провести ихъ волю тамъ, гдѣ никакія другія средства уже не помогаютъ. Ихъ дѣятельность есть выраженіе наивысшаго напряженія энергій даннаго народа, направленного къ подавленію воли противника. Поэтому ихъ отличительное качество должно быть непоколебимая и сосредоточенная воля и способность развить въ извѣстный моментъ наибольшую энергію, на какую только люди способны. Въ отличіе отъ мирныхъ занятій, отъ всякаго созидательнаго производительнаго труда, война требуетъ не равномернаго расхода силъ безъ ущерба для работниковъ, а напротивъ полнаго израсходованія всей энергій въ данный моментъ для данной цѣли вплоть до собственной гибели. Для осуществленія такой задачи, очевидно, требуются особыя способности, и къ развитію таковыхъ направлена вся подготовка исполнителей.

Ясно, что при этихъ условіяхъ отличительной чертой военныхъ людей окажется ихъ направленіе воли. Цѣль ихъ существованія бой, и мечта ихъ жизни—побѣда или самопожертвованіе. Это основная нота всего военного быта. Это основной принципъ всѣхъ условій жизни въ военной средѣ, и съ этой

Образованіе и воспитаніе.

Военное сознаніе.

Основной характеръ военнаго дѣла.

Направленіе воли военныхъ людей.

точки зрѣнія военный человекъ разсматриваетъ все вопросы не только службы, но и жизни вообще. Сознаніе этой истины, засѣвшее глубоко въ сердцѣ каждаго воина, только и можетъ дать ему способность правильной оцѣнки военныхъ событій и предохранить его отъ всякихъ ложныхъ направленій и заблужденій, которыми кишитъ область военной науки. Казалось-бы, всемъ извѣстно, что войска предназначены для боя, однако большая разница знать эту истину въ теоріи или сознавать ее лично для себя на практикѣ. Одно дѣло пожертвовать своимъ кораблемъ для общей пользы на бумагѣ во время военной игры и совсемъ другое отдать свою жизнь съ той-же цѣлью. Въ первомъ случаѣ требуется лишь нѣкоторый расчетъ и способность комбинаціи, во второмъ—огромное напряженіе воли, основанное на сознаніи необходимости для себя. Въ первомъ случаѣ принципъ самопожертвованія для общей пользы существуетъ лишь въ теоріи и можетъ быть забытъ или отодвинутъ на второй планъ при первомъ случаѣ столкновенія дѣйствительно жизненныхъ интересовъ, во второмъ—онъ является силой, побѣждающей даже инстинктъ самосохраненія, и ужь, конечно, возьметъ верхъ во всехъ остальныхъ вопросахъ. Первое общедоступно и общезвѣстно, второе же есть исключительно достоинство настоящихъ воиновъ. Вотъ это глубокое убѣжденіе человека, что онъ самъ предназначенъ для боя, для побѣды или самопожертвованія, его стремленіе къ этой завѣтной цѣли со всеми логичными послѣдствіями во всехъ его взглядахъ и дѣйствіяхъ и есть отличительное свойство военного сознанія.

Военное воспитаніе.

Очевидно, такое душевное состояніе не можетъ приобрѣтаться никакими учебниками. Къ достиженію этой цѣли во все времена стремилось военное воспитаніе. Не касаясь пока вопроса, въ чемъ состоитъ это воспитаніе, замѣтимъ, что отдѣльныя лица, обладающія полностью нравственными качествами воина, очень рѣдки. Человѣческая природа имѣетъ слишкомъ много разнообразныхъ потребностей, чтобы легко было втиснуть ее въ такую узкую программу. Какъ бы человекъ ни былъ преданъ своей службѣ, но невозможно, чтобы у него не было интересовъ личныхъ, семейныхъ или научныхъ, до нѣкоторой степени отвлекающихъ его отъ прямого назначенія. Идеальное военное сознаніе осуществляется не въ отдѣльныхъ лицахъ войска, а въ коллективныхъ, въ войсковыхъ частяхъ. Полкъ или корабль, какъ таковой, дѣйствительно имѣетъ только одно назначеніе на землѣ—это сра-

Заченіе войсковыхъ частей.

женіе; и военное воспитаніе всегда ставило своей главной задачей развитіе именно въ этихъ боевыхъ единицахъ духа вполне соответствующаго только что высказаннымъ принципамъ. Задача эта вполне осуществимая, ибо часть, какъ таковая, побочныхъ интересовъ имѣть не можетъ, и отъ отдѣльныхъ лицъ въ такомъ случаѣ не требуется полного прекращенія всехъ своихъ функций, кромѣ военныхъ, а только подчиненія личныхъ стремленій общимъ. Люди вообще въ массѣ гораздо болѣе способны на крайнія увлеченія, нежели въ отдѣльности. Большое количество людей имѣетъ, если такъ можно выразиться, гораздо болѣе духовной инерціи, нежели отдѣльный человекъ, и въ общемъ потоки увлекаются даже очень неопредѣленные и колеблющіеся элементы. Поэтому, если мы желаемъ судить о состояніи духа въ войскахъ, мы должны обратить главнымъ образомъ вниманіе на проявленіе воли въ дѣйствіяхъ цѣлыхъ частей. Поступки и мнѣнія отдѣльныхъ лицъ имѣютъ лишь значеніе какъ показатели степени подчиненности личной воли общимъ стремленіямъ. Появленіе и столкновеніе личныхъ интересовъ среди войскъ можетъ всегда считаться плохимъ признакомъ. Если военное сознаніе развито въ достаточной силѣ, то всякіе личные выгоды, вкусы и наклонности заглушаются общимъ порывомъ въ бой.

Если мы теперь съ этой точки зрѣнія разсмотримъ недавнее прошлое нашего флота, то къ сожалѣнію одинъ вопросъ о военномъ сознаніи вызоветъ улыбку. Объ этомъ и долго говорить не стоитъ, настолько оно очевидно. Гдѣ было наше военное сознаніе до войны? Къ чему мы готовились, къ чему мы стремились? Къ чему угодно—только не къ бою. Наканунѣ объявленія войны въ П.-Артурѣ запрещалось говорить о предстоящемъ разрывѣ съ Японіей. Считали, что такіе разговоры произведутъ наньку въ личномъ составѣ. Мысль о войнѣ всегда отодвигалась на задній планъ, какъ неприятная, и все стремленія были направлены къ ея избѣжанію. Пропаганда идей всеобщаго мира находила особенно благосклонное ухо въ Россіи. Мы строили броненосцы и проповѣдывали миръ, радовались возрожденію флота и надѣлись этимъ флотомъ не разбить неприятеля, а сохранить дружественныя отношенія. Вообще флотъ строился не для войны, а для демонстраціи. Такая точка зрѣнія можетъ быть очень хороша для дипломатівъ и для торговыхъ и промышленныхъ интересовъ страны, но она недопустима для войска. Однако нашъ флотъ всецѣло преданъ самъ этому теченію, какъ-то незамѣтно онъ самъ пересталъ вѣрить

Военное сознаніе въ нашемъ флотѣ. Настроеніе передъ войной.

въ возможность войны и не желалъ оной. Вслѣдствіе этого выдвинулись на первый планъ всякія побочныя заботы и соображенія, между которыми не послѣднюю роль играли личные интересы служащихъ. Последнее случилось не только по инициативѣ самихъ офицеровъ, но поощрялось даже административными мѣрами. Самый разительный примѣръ тому служитъ законъ о прохожденіи службы 1886 года. Этотъ законъ ставитъ прямо-таки главной задачей личнаго состава выполнение извѣстныхъ условий для достиженія собственной карьеры, а корабли въ немъ превращены въ средство для достиженія чиновъ. Пагубныя послѣдствія этого до крайности анти-военнаго закона не заставили ждать и произвели ту оргію эгоистическихъ стремленій, которая всѣмъ такъ хорошо извѣстна, и о которой вспоминать даже непріятно.

При такой обстановкѣ, конечно, и говорить о военномъ сознаниіи нечего. Только полнымъ его отсутствіемъ можно объяснить нашу неурядицу и содѣланныя ошибки; онѣ совершены не по незнанію, а по нерадѣнію. О печальномъ состояніи нашей матеріальной части всѣ знали, но не особенно беспокоились, надеясь, что войны не будетъ. Вотъ, если бы корабли были не мореходны, если бы штурманская часть хромала, если бы не было угля и провизіи для переходовъ, тогда бы всполошились, но такъ какъ только снаряды были неудовлетворительны и въ очень маленькомъ количествѣ, пушки стрѣляли медленно, дальномѣры и прицѣлы старые, то съ этимъ мирились, надеясь, что войны не будетъ. Во флотѣ стояли суда безъ пушекъ, безъ хода и безъ защиты, но что-жъ въ этомъ? Цензъ можно выполнить и на тихоходномъ кораблѣ. Кому же было неизвѣстно, что у насъ нѣтъ унтеръ-офицеровъ, что команда плохо обучена, что весь личный составъ безъ практики и безъ сплоченности? Но и съ этимъ мирились, рассчитывая, что воевать не придется. Кто же не видѣлъ, что у насъ смотры и маневры бутафорскіе, что стрѣльба производилась слишкомъ ужъ рѣдко, что офицерство скучало въ вооруженномъ резервѣ и въ то же время совершенно не видало собственного побережья и проч. и проч. Но все это терпѣлось, все откладывалось, то за неимѣніемъ денегъ, то по другимъ причинамъ. Вѣдь время терпѣло, войны не предвидѣлось. Развѣ составляло секретъ, что П.-Артуръ не укрѣпленъ, что пока нѣтъ, что выходить можно только въ полную воду? Все это видѣли и иногда становилось жутко при мысли о возможности войны, но мысль эта отодвигалась, какъ непріятный кошмаръ. До послѣдней минуты передъ войной надеялись на мирный исходъ. Однимъ словомъ, судьбой

Вліаніе воспитанія на теорію.

флота руководило не военное сознание, а всякія случайныя и побочныя причины. Этому обстоятельству надо приписать одну часть содѣланныхъ промаховъ и притомъ самыхъ явныхъ и неоспоримыхъ. Но кромѣ того такое общее настроеніе породило и множество ложныхъ теорій. Отсутствие серьезныхъ опытовъ, тщательной провѣрки на практикѣ и вообще бутафорская обстановка всего дѣла, затмили самые факты и не давали возможности правильной оцѣнки нашего положенія и нашихъ силъ. Наши теоретическіе выводы въ области приложенія науки къ нашему дѣлу были построены на воздухѣ, а что всего хуже, мы привыкли къ такой обстановкѣ, она намъ глазъ не рѣзала и мы даже потеряли способность видѣть вещи, какъ онѣ есть. Множество грѣховъ заглушило нашу военную совѣсть и она притупилась. Вотъ почему мы и въ теоріи врани и удивили міръ своими распоряженіями. И всему этому одна коренная причина. Мы не признавали себя военными.

Когда грянулъ громъ, когда война намъ была навязана противъ воли, все это и обнаружилось. Тогда уже нельзя было скрыть отъ себя, что мы должны сражаться, но это сознание происходило не отъ насъ самихъ, не было плодомъ собственной воли, а было намъ навязано силой извнѣ, и сразу же легло гнетомъ на личный составъ. Нами овладѣло чувство растерянности и безпомощности. И было съ чего растеряться. Матеріальная часть не удовлетворительна, стратегическое положеніе невозможное, личный составъ безъ взаимнаго довѣрія и безъ всякаго опыта. Мы не знали, съ какого конца взяться за это новое дѣло. Да, мы вступили въ эту войну не войскомъ, а форменной милиціей; намъ съ начала войны пришлось учиться азбукѣ военной техники. Со временемъ мы стали поправляться. Нѣтъ лучше школы для войска, нежели война, но что было упущено, не вернуть. Сила соломѣ ломить. Трудно милиціи сопротивляться организованному войску, тѣмъ болѣе, что вѣдь и послѣднее совершенствуется въ бою.

Настроеніе при началѣ войны.

Вообще говоря, нашъ офицеръ, какъ и нижній чинъ, по природѣ храбръ и воинственъ, да не только они, но и гражданское населеніе. Это видно было уже при первой бомбардировкѣ П.-Артура. Разные евреи, греки и китайцы теряли человѣческій обликъ отъ страха, и, какъ безумные, заметались при первыхъ же снарядахъ, русскіе же оставались спокойными. По поведенію подъ

Личныя качества нашихъ чиновъ.

бомбами можно было прямо-таки определить национальность. Съ самаго начала военных дѣйствій даже выдвинулось множество людей съ чисто боевыми наклонностями. Но это были отдѣльные лица, и боевыя свои качества они почерпнули не изъ общаго духа флота, а изъ своей личной природы. Общее настроеніе было вышеописанное угнетенное и растерянное, тѣмъ болѣе, что главные руководители наши были представители именно этого направленія. Изъ выдвинувъ предшествующій войнѣ періодъ времени и они болѣе всего олицетворяли въ себѣ духъ времени ценза. Кто по теченію плыветъ, тотъ быстрѣе другихъ двигается, поэтому старшіе чины во флотѣ и были болѣе другихъ выразителями глубоко мирнаго направленія въ военной средѣ. Они задали тонъ всей кампаніи и положили основаніе всей картинѣ. Этимъ объясняется, что нашъ флотъ выказалъ такое нежеланіе сражаться. Отличительныя свойства его управленія были: непониманіе военной обстановки, желаніе избѣжать боя, откладывать рѣшительную минуту, закрывать глаза на истинное положеніе дѣлъ, убаюкивать себя сказками о слабости противника и въ то-же время увлекаться всякими пустяками, до личныхъ мелкихъ ссоръ включительно. Въ высшихъ сферахъ администраціи такъ военное сознаніе и не проснулось до самаго конца войны. Видимо, очень застарѣлая болѣзнь уже неизлѣчима.

Не то было въ строю. Мы можемъ съ гордостью регистрировать цѣлый рядъ именъ, явившихся исключеніемъ изъ общаго правила. Упомяну лишь „Кореецъ“, „Ретвизанъ“, „Новикъ“, „Баянъ“, „Рюрикъ“, „Севастополь“, „Суворовъ“, „Александръ“, „Бородинъ“, „Нахимовъ“, „Ушаковъ“, „Свѣтлана“, многіе миноносцы, Высокая гора въ Ш.-Артурѣ, не говоря о мелкихъ фактахъ. Къ счастью, списокъ этотъ очень длинный и доказываетъ, что бы могло быть, если бы насъ подготовили, какъ слѣдуетъ.

Но этого не было, и я думаю, что большинство участниковъ войны питаютъ одинаковыя чувства къ тому образу мышленія и къ тѣмъ руководящимъ принципамъ, которые сумѣли заглушить въ нашемъ бодромъ, мужественномъ, глубоко преданномъ и патриотичномъ личномъ составѣ всѣ его доблестныя качества и довести его до позора минувшей войны.

Воспитаніе
недостатка
воспитанія.

Но какой же это режимъ, такъ пагубно отразившійся на нашемъ флотѣ, и какой это злой рокъ повернулъ всѣ наши старанія (которыя, безъ сомнѣнія, были приложены къ его развитію) къ нашему же вреду? За послѣднія 20—30 лѣтъ законодатель-

ная и административная дѣятельность во флотѣ состояла изъ сплошнаго ряда ошибокъ, содѣланныхъ по самымъ разнообразнымъ причинамъ и поводамъ, но возможнымъ только вслѣдствіе постепеннаго погасанія и окончательнаго исчезновенія въ немъ военнаго духа и военнаго сознанія. Я уже говорилъ, что это сознаніе одно можетъ служить руководящей нитью въ многосложныхъ и запутанныхъ вопросахъ военной организаціи и техники. Это какъ бы компасъ на нашемъ кораблѣ. Но мы пустились въ путь безъ него и, конечно, зашли въ такія дебри, что теперь сами поражены. Но гдѣ-же нашъ компасъ? Отчего его нѣтъ? Для выясненія этого вопроса надо сначала разобрать нѣкоторыя общія положенія, какъ и откуда берется военный духъ и военное сознаніе въ войскахъ.

II.

Военное воспитаніе.

Главный во-
спитатель.

Единственная школа для военных есть война. Спокойствіе въ войскахъ развивались совершеннѣе естественнѣе качества, отличающія воиновъ отъ мирныхъ жителей. Болѣе сильныя духомъ и тѣломъ теченіемъ обстоятельствъ выдвигались впередъ, слабыя элементы отпадали сами собой, и въ концѣ концовъ въ рядахъ бойцовъ устанавливался и укрѣплялся духъ и характеръ, вполне соответствующій боевой обстановкѣ. Въ то-же время войсками продолжавшіяся войны выработали и соответствующую организацію массъ, приспособляющую ихъ къ сосредоточенію наибольшаго усилія, а также дали возможность теоретически изучить условія войны и примѣнить уже сознательно выраженные принципы къ усовершенствованію вооруженныхъ силъ въ борьбѣ съ непріятелемъ. Такимъ путемъ образовались знаменитыя боевыя дружины всѣхъ временъ, подвиги которыхъ связаны съ именами славныхъ побѣдителей, будь то Александръ Македонскій или Наполеонъ I.

Храненіе до-
бытаго вой-
ной.

Но такія средства для образованія войскъ не всегда подъ рукой. Войны, къ счастью, сдѣлались болѣе рѣдкими и мирные промежутки болѣе продолжительными. Войска, образовавшіяся въ одинъ военный періодъ, для слѣдующаго уже служить не могутъ, и приходится вступать въ новую войну съ совершенно неподготовленными силами. Поэтому съ давнихъ поръ стремленія всѣхъ народовъ сосредоточились на изысканіи средствъ къ обученію и воспитанію войскъ въ мирное время. Средства эти должны хотя до нѣкоторой степени замѣнять боевой опытъ, но они по большей части мало дѣйствительны, и главная задача военного воспитанія сводится въ концѣ концовъ къ тщательному храненію добытаго предыдущими войнами. Съ этой цѣлью стали не распускать боевыя части, а оставляли ихъ существовать и въ мирное время. Убыль людей пополняли понемногу лишь по мѣрѣ

дѣйствительной надобности, чтобы вновь прибывшіе элементы успѣвали поглощаться и прирости къ цѣлому. Эти боевыя части продолжали служить и въ мирное время хранилищемъ военного духа, вслѣдствіе чего ихъ тщательно оберегали отъ постороннихъ вліяній. Для этого особенно заботились объ обособленіи каждой изъ нихъ и обеспечивали имъ самостоятельное бытіе.

Воинскими
частями.

Такимъ образомъ получились вмѣсто очень недолговѣчныхъ отдѣльныхъ воиновъ коллективныя личности, обладающія всѣми характерными качествами отдѣльнаго воина, только гораздо болѣе долговѣчныя. Сплоченныя и скованныя въ бояхъ части, какъ бы они тамъ ни назывались, легіонами-ли, знаменами или полками, обладаютъ отчетливымъ сознаніемъ своей индивидуальности, ясной памятью и совершенно опредѣленнымъ характеромъ. Такія части живутъ не десятки лѣтъ, какъ люди, а сотни, и въ продолженіе своей долгой жизни могутъ накопить огромный боевой опытъ. Они въ каждую новую борьбу вступаютъ, какъ закаленные ветераны прежнихъ походовъ. Разъ привитой характеръ и духъ держится въ нихъ настолько крѣпко, что поглощаетъ поколѣніе за поколѣніемъ, конечно, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы онъ не растворился въ общей массѣ народа, чтобы онъ оставался сосредоточеннымъ въ своей части, чтобы эта часть имѣла возможность самостоятельнаго существованія и чтобы ея личная жизнь не ступсывалась, а всячески выдвигалась существующей обстановкой. Тогда части, а не отдѣльные люди, и изображаютъ собой идеальныхъ воиновъ съ вполне развитымъ военнымъ сознаніемъ. Изъ такихъ лицъ, а не изъ отдѣльныхъ людей состоитъ хорошее войско. Ихъ благополучіе, развитіе ихъ индивидуальности и жизненной силы, поддержка духа въ нихъ и есть главная задача военного законодательства и военной организаціи.

Зачленіе кор-
поративнаго
начала.

Изъ всего этого ясно, что въ войскахъ военный духъ бываетъ прямо пропорціоналенъ корпоративному и военное сознаніе прямо пропорціонально самосознанію части. Поэтому мы и видимъ, какъ умные военные организаторы берегутъ и дѣлѣютъ корпоративное начало въ частяхъ, какъ эти послѣднія облачаются въ разныя формы, для каждой части свою, иногда самыя театральныя съ крайне причудливыми украшеніями, напоминающими былия событія. Имъ даются ордена и награды, какъ отдѣльнымъ лицамъ, отъ нихъ требуютъ коллективной отвѣтственности и уступаютъ имъ необходимыя права, какъ всякому правоспособному человѣку.

Воспитатель-
ное значеніе
частей.

Въ военномъ міросозерцаніи нѣтъ отдѣльныхъ воиновъ—людей, офицеровъ, солдатъ, матросовъ, есть лишь войны—части. Начальники лишь головы этихъ воиновъ, остальные же ихъ члены. Полки, эскадроны, баталіоны, батареи, корабли, вотъ войны, изъ которыхъ состоитъ армія и флотъ, люди же имѣютъ цѣну лишь на столько, на сколько они въ нихъ воплотились. Отдѣльныя лица могутъ считаться военными лишь настолько, насколько они преданы своему полку или кораблю, насколько ихъ личные интересы поглощены требованіями этихъ коллективныхъ лицъ. Отсюда явствуется огромное воспитательное значеніе строевыхъ частей. Никакая академія, никакое училище не можетъ выработать военныхъ людей. Эти учрежденія сами не имѣютъ военного сознанія плода своего прошлаго и опыта прежнихъ подвиговъ. Однѣ строевыя части съ собственной боевой исторіей обладаютъ достаточнымъ нравственнымъ авторитетомъ, чтобы вселить въ своемъ личномъ составѣ стойкое и увлекательное военное сознаніе. Конечно, какъ тамъ, гдѣ много ветерановъ, вновь поступающая молодежь подчиняется ихъ вліянію, такъ и въ хорошемъ войскѣ новыя части и всякія вообще учрежденія поддаются духу старыхъ боевыхъ единицъ, но это еще разъ доказываетъ, что основа и корень благополучія войска покоятся въ его строевыхъ частяхъ, пропитанныхъ славой минувшихъ дней. Горе тому войску, гдѣ мирная молодежь беретъ верхъ надъ боевыми ветеранами, гдѣ вліяніе строевыхъ полковъ уступаетъ свое мѣсто чему бы то ни было, хотя бы даже наукѣ. Въ такомъ случаѣ послѣдняя послужитъ не въ пользу, а во вредъ, и непременно увлечется по ложному пути. Служба въ крѣпкомъ духомъ и сильномъ въ своихъ традиціяхъ полку играетъ ту же роль, какъ домашнее воспитаніе въ обыкновенной жизни, котораго не замѣнить никакой школьной режимъ. Если гусаръ въ академіи уже не чувствуетъ себя гусаромъ, то онъ вообще не военный; если гренадеръ, попавшій въ какой-либо Штабъ, уже не признаетъ себя гренадеромъ, то онъ этимъ показываетъ свое плохое военное воспитаніе. Семеновецъ остается Семеновцемъ до конца дней своихъ, также Кавалергардъ, также офицеръ всякой хорошо поставленной части. Для флота затрудняюсь найти подходящее сравненіе. У насъ нѣтъ старыхъ боевыхъ кораблей. Они умираютъ вмѣстѣ со своей матеріальной частью.

Храненіе воен-
ной обстановки.

Въ поискахъ за средствами къ приготовленію и развитію войска въ мирное время естественно явилась мысль сохранить не только

части въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ выработала война, но и по возможности обстановку, къ которой они привыкли. Такъ какъ въ это время сражаться нельзя, и высшія проявленія воинственнаго настроенія невозможны, то забота о сохраненіи обстановки поневолѣ ограничивается стремленіемъ приспособить внутренней строй жизни и взаимныхъ отношеній какъ можно ближе къ условіямъ военного времени. Поэтому организація арміи и флота въ мирное время должна главнымъ образомъ отвѣчать условіямъ и принципамъ военныхъ дѣйствій.

Принципъ военного дѣла есть принципъ меча. Мечъ долженъ состоять изъ самаго крѣпкаго матеріала, а ударить онъ долженъ не плашмя, а остриемъ, чтобы вся живая сила удара сосредоточилась на остромъ его краѣ. Такъ и войско, составивъ крѣпко сплоченную среду, должно сосредоточить всю силу воли всѣхъ своихъ чиновъ на одну указанную цѣль. Крѣпости стали соответствовать сплоченность и духъ войска, а остротѣ меча его дисциплина. Вотъ два отличительныхъ качества хорошаго войска—сплоченность и дисциплина. Они не только оба необходимы, но они даже въ отдѣльности немислимы. Одно другое пополняетъ. Какъковка и закалъ превращаетъ желѣзный пруть въ мечъ, такъ дисциплина усовершенствуетъ и объединяетъ воиновъ и дѣлаетъ изъ нихъ опасное оружіе въ рукахъ начальника; но какъ нельзя отковать и отточить деревяннаго меча, такъ невозможно примѣнять военную дисциплину къ разрозненному, разнородному и невоспитанному личному составу. Въ такомъ случаѣ она не направитъ всѣ единичныя воли въ одно общее русло, а напротивъ сможетъ только подавить таковыя, вызоветъ чувство несправедливаго гнета и всеобщаго озлобленія. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Пока обратимъ вниманіе на то, что принято называть сплоченностью.

Принципъ
военнаго
дѣла.

Одинъ въ полѣ не воинъ. Сила сопротивленія войска заключается въ его способности противостоять раздробленію. Сплоченность.

Пораженіе арміи выражается въ ея разсѣиваніи. Всѣхъ уничтожить или забрать обыкновенно физически невозможно. Усилія противника всегда направлены къ тому, чтобы нарушить связывающій элементъ войска и превратить его въ толпу одиночныхъ людей. Какъ только въ немъ прекратится взаимная поддержка, то надо его считать разбитымъ, даже уничтоженнымъ. Пока люди другъ за друга стоятъ, воинская часть цѣла, она можетъ быть

сильно ослаблена, принуждена отступать, но она существует, ее сопротивление не сломлено. Все это учить и учить опыты войны, и в военное время люди в силу обстоятельств привыкают делиться друг за друга, но в мирное время другое дело. Всем известен принцип взаимной поддержки, об этом писаны целые тома, но когда дело доходит до его осуществления, то почему-то другие соображения берут верх. Дело в том, что одного знания мало. Военная поддержка происходит не на бумаге; это не поддержка одной канцелярии другой своим мнением и согласием, а это значит подставлять свой лоб и свою персону под смертельную опасность ради товарища, и для ее осуществления требуется более сильный мотив, нежели теоретические соображения. Тут необходимо нравственное начало. Для того, чтобы рискнуть собственной жизнью в пользу своего товарища, надо чувствовать настоящую привязанность и глубокую любовь к нему лично, а главным образом к тому общему началу, которое олицетворено им и другими ему подобными. Только глубокая привязанность к своим товарищам и к своей части и привычка безотчетной преданности придадут взаимной поддержке энергию и стремительность, обеспечивающую победу на поле сражения. Ясно, что такие чувства не рождаются от теории, они возникают исключительно на почве личных отношений и только личные сношения в войсках служат основанием их сплоченности.

Значение
личных
сношений

Дружба. Существует прекрасная поговорка, которую у нас однако часто применяют: что „служба службой, а дружба дружбой“. Как будто служба может исполняться удовлетворительно без дружбы. Военная служба во всяком случае не только ни мыслима без дружбы, но дружба есть ее основное начало и вся она направлена к утверждению этой дружбы в своих пределах. Самые строгие кары военных законов направлены именно на преступления против дружбы в частях. Всем известно, что Нельсон приписывал свои победы тому обстоятельству, что его капитаны были семьей братьев. Ссоры и дрязги в частях всегда были самым печальным признаком их состояния, и не только были, но даже признавались таковыми.

Число людей
в строевых
частях

Что не только логика, но и вековой опыт указывает на личные отношения, как на основание сплоченности военных частей, видно из их обыкновенного состава. Наименьшая вой-

сковая часть есть рота или эскадрон; состоять они из 200—250 человек. Почему же именно столько? Оказалось, что такое число людей при неразлучном сожительстве и при постоянной совместной работе могут все знать друг друга лично. Поэтому такое количество и собрано для постоянных совместных работ под командой одного человека, и им дана некоторая самостоятельность. Рота есть своя часть для нижнего чина. В ней все решительно люди связаны личным знакомством. Взаимная поддержка внутри роты зависит от личной инициативы людей, поэтому и положены пределы их численности такой, чтобы они могли лично знать друг друга. Из некоторого количества рот состоят полки. Я не говорю о батальонах и дивизионах, так как эти части созданы лишь для удобства маневрирования, а самостоятельной жизни не имеют. В полку бывает не более 16 рот. Почему же так? А потому что взаимная поддержка в полку зависит от инициативы офицеров и необходимо, чтобы последние знали друг друга лично. Их в полку около 80, значит много меньше нежели нижних чинов в роты. Но офицеры не так тесно живут, как нижние чины, не так скоро сходятся, поэтому их и не соединяют в таком количестве в общую часть, как тех. Полк есть специально своя часть для офицера, и так как последние составляют самый важный элемент в войсках, то и полк, представляющий предельное количество офицеров объединенных для совместных действий, наиболее резко выделен в отдельную часть.

Он например имеет свою форму и свое знамя, а рота только отличие на форме и свой значек. Итак рота заключает в себя предельное количество нижних чинов, а полк — офицеров, могущих по опыту поддерживать постоянные личные сношения.

Более крупные единицы войска, бригады, дивизии, корпуса связаны лишь посредством начальников составных частей и их там так немного, что они, конечно, всегда знают друг друга лично.

Существуют, конечно, и отдельные части гораздо меньшего состава нежели названные, но в них личные отношения еще более облегчены. Я здесь говорил лишь о пределах в сторону наибольшего количества людей в части, чтобы доказать, что они определяются возможностью личных отношений. Не отрицаю, при распределении величины и количества воинских частей кроме этого влияют еще и многие другие соображения, как хозяйствен-

наго характера, такъ и относительно удобства управленія. Но и тутъ мы видимъ, что военная организація озабочена сохраненіемъ личныхъ отношеній между начальниками и ихъ непосредственными подчиненными. Вообще связь въ войскѣ, какъ сверху внизъ, такъ и между равными чинами основана на личномъ вліяніи. Гдѣ таковое прекращено, тамъ связь нарушена.

Выборъ людей.

Однако, установивъ личныя отношенія между людьми, мы еще далеко не можемъ быть увѣрены, что эти отношенія будутъ хорошия. Бываютъ самыя плачевныя. Мы же видѣли, что для достиженія сплоченности въ войскѣ требуются не только хорошия отношенія, но прямо-таки дружба и глубокая привязанность къ своей части, а эти чувства, какъ извѣстно, силой никому не внушаются, никакіе приказы или распоряженія начальства ихъ вызывать не могутъ, а они развиваются сами собой въ подходящей обстановкѣ. Задача организатора сводится къ созиданію этой обстановки и къ устраненію всего, что можетъ помѣшать образованію единства духа и сплоченности въ войсковыхъ частяхъ. Какъ садовникъ не можетъ механически произвести растенія, а можетъ лишь тщательнымъ уходомъ содѣйствовать его росту, такъ и военная организація можетъ лишь приготовить почву, создать благоприятныя условія и затѣмъ тщательно ухаживать за драгоценнымъ ростомъ корпоративнаго духа въ частяхъ. Зародыши этого духа существуютъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ, требуется лишь укрѣпить и развить ихъ. Важно узнать условія содѣйствующія его росту.

Право частей на подборъ своего состава.

Насильно милъ не будешь. Это справедливо для отношеній военныхъ, какъ и всякихъ другихъ. Чувства дружбы и привязанности возникаютъ между людьми почти мгновенно, между другими очень медленно, а между еще другими они прямо невозможны. Поэтому первое вниманіе организатора должно быть обращено на то, какихъ людей онъ собираетъ въ части, подходят ли они другъ къ другу. Последняго никто впередъ опредѣлить не можетъ, это зависитъ волюнѣ отъ вкуса и настроенія самихъ участниковъ. Поэтому единственный способъ обезпечить подходящій составъ въ рядахъ войска это предоставить имъ самимъ подборъ своихъ товарищей. Всякая военная часть должна имѣть возможность принимать въ свою среду кто ей нравится и выдѣлать нежелательные элементы. Это условіе безусловно необходимо для развитія духа въ части. Если она не вольна въ опре-

дѣленіи своего состава, то почва для возникновенія корпоративнаго духа негодна и никакія мѣры не вызовутъ его роста.

Но разъ размѣръ и составъ части даютъ возможность сближенія, то ростъ корпоративнаго духа и сплоченности будетъ только вопросъ времени, но времени употребленнаго съ пользой въ подходящей обстановкѣ.

Всякое растеніе лучше всего процвѣтаетъ въ родной странѣ; такъ и военный духъ скорѣе всего образовывается на войнѣ. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общія опасности, общія лишенія и общія сильныя впечатлѣнія и потрясенія, какія могутъ дать лишь восторги побѣды или рѣшительныя минуты крайняго сопротивленія. Но и въ мирное время можетъ быть сдѣлано много для подъема сознанія общности интересовъ въ частяхъ. Во-первыхъ стараются, какъ мы уже выше говорили, тщательно сохранить разъ приобрѣтенное въ военное время. Легче поддерживать взрослое растеніе, нежели насадить и возрастить новое. Затѣмъ совмѣстная постоянная работа и служба, общія удовольствія и огорченія, вообще житье въ тѣсномъ кружкѣ, также имѣетъ послѣдствіемъ нѣкоторое сближеніе и привязанность. Кроме того употребляется цѣлый рядъ искусственныхъ мѣръ къ возбужденію въ частяхъ сознанія общности интересовъ и ответственности. Опытные начальники пользуются всякимъ случаемъ, чтобы доказать личному составу, что они не отдѣльно стоящія лица, а части цѣлаго. За подвиги нѣкоторыхъ своихъ членовъ—удостоивается похвалами вся часть, за дурное поведеніе немногихъ—упрекается вся часть, работы и порученія даются частямъ, также и награды, всячески поощряется конкуренція между частями, устраиваются состязанія. Вообще принимаются всѣ мѣры, чтобы всюду и постоянно вызывать самосознаніе частей и возбуждать корпоративное самолюбіе. Всѣ эти мѣры и многія другія всѣмъ хорошо извѣстны, но такъ же хорошо извѣстно, что для достиженія цѣли онѣ требуютъ времени. Войско не машина, а живой организмъ. Физиологическіе процессы живого организма требуютъ времени. Въ машину можно вставить новую часть вмѣсто испорченной и дать ходъ, а рану въ организмѣ мало зашить и перевязать. Надо ждать, чтобы она срослась. Такъ и войску надо дать время сплотиться. Принявъ всѣ мѣры къ объединенію людей и связавъ ихъ искусственными средствами, надо дать имъ сростись. Изъ этого ясно, до какой степени вредно отаиваются частые переходы людей изъ части въ часть. Никому не приходитъ въ голову

Вліяніе времени.

мѣнять у двухъ человекъ руки и ноги. Они, очевидно, оба погибнуть. Однако часто не стѣсняются мѣнять у военныхъ частей не только члены, т. е. нижнихъ чиновъ и офицеровъ, но даже головы, т. е. командировъ, по нѣскольکو разъ въ годъ. Какой-же результатъ? Очевидно, военныя части погибаютъ. На ихъ мѣстѣ остается толпа переодѣтыхъ мужиковъ или иныхъ званій лицъ.

Дисциплина.

Перейдемъ теперь къ дисциплинѣ. Такъ называется совокупность мѣръ, принятыхъ въ войскахъ къ сосредоточенію воли. Для успѣха военныхъ дѣйствій надо сосредоточить энергію тысячъ людей въ одномъ направленіи, другими словами, направить ихъ волю къ извѣстной опредѣленной цѣли. Однако объединить волю многихъ людей иначе невозможно, какъ подчинивъ ихъ всѣхъ волѣ одного лица, т. е. начальника. Надо обратить вниманіе, что дисциплина стремится не къ уничтоженію воли а напротивъ, къ ея развитію, но къ развитію въ данномъ опредѣленномъ начальникомъ направленіи. Сила воли есть самое необходимое качество всякаго воина. Только объединенное усиліе воли всѣхъ участниковъ можетъ дать импульсъ достаточной силы, чтобы опрокинуть стойкаго противника. Войско безъ собственной воли исполняющее приказанія по принужденію, не есть войско а толпа рабовъ, неспособныхъ побѣждать, а лишь уныло умирать. Военные говорятъ: „мы пошли“, а рабы „насъ погнали“. И то и другое приходилось слышать.

Военная иерархія.

Идеаль военной дисциплины осуществился бы, если бы воля начальника передавалась непосредственно и мгновенно всѣмъ исполнителямъ, какъ въ человеческомъ организмѣ голова управляетъ рукой или ногой. Но это физически невозможно въ виду слишкомъ большого числа членовъ исполнителей, и приходится вставлять промежуточные инстанціи, сохраняя непосредственность передачи и исполненія лишь относительно двухъ послѣдующихъ степеней власти между собою. Такимъ образомъ образовалась военная иерархія, которая стремится какъ можно ближе подойти къ идеалу непосредственного осуществленія воли одного человека во всѣхъ подчиненныхъ. Поэтому она обладаетъ нѣкоторыми типичными особенностями.

1) Она стремится сохранить цѣльность впечатлѣній и сократить до крайности число передачъ отъ старшаго начальника до послѣдняго исполнителя. Передача приказаній происходитъ непосредственно отъ одного строевого начальника къ слѣдующему

безъ какихъ-либо промежуточныхъ учреждений или побочныхъ вліяній по прямой линіи отъ главнокомандующаго до нижняго чина. Такимъ образомъ у каждаго начальника есть лишь очень ограниченное число непосредственныхъ подчиненныхъ, которымъ вполне возможно передавать свою волю полностью, ясно и опредѣленно, а у каждаго подчиненнаго во всемъ войскѣ существуетъ лишь одинъ непосредственный начальникъ, воля котораго для него законъ.

2) Она старается обезпечить немедленное осуществленіе воли начальника въ подчиненныхъ. Поэтому въ военной иерархіи каждая инстанція по передачѣ приказанія есть въ то-же время и исполнитель онаго. Для начальника непосредственный подчиненный олицетворяетъ командуемую имъ часть, а для подчиненнаго непосредственный начальникъ олицетворяетъ всю высшую власть. Военный начальникъ отвѣчаетъ за дѣйствія всѣхъ своихъ подчиненныхъ, а подчиненный лишь за точное исполненіе воли начальника. Для осуществленія этихъ отношеній военные законы всѣхъ временъ принимали самыя энергичныя мѣры. Начальники облечены огромной властью надъ подчиненными, всякое неповиновеніе карается самыми строгими наказаніями, а съ другой стороны такія же строгія кары ожидаютъ начальника за бездѣйствіе власти и за слабое наблюденіе за подчиненными. Все это настолько ясно и общеизвѣстно, что тратить словъ по этому поводу не стоитъ; зато необходимо поговорить о нѣкоторыхъ сторонахъ военной дисциплины, которая не такъ явно выступаетъ, но не менѣе существенны.

Вспомнимъ, во-первыхъ, что цѣль военной дисциплины есть сосредоточеніе энергій войска, чтобы обезпечить за нимъ быстрыя и рѣшительныя дѣйствія, т. е. подчинить ихъ одной твердой и опредѣленной волѣ. Тутъ, конечно, явится первымъ условіемъ, чтобы источникъ этой воли отвѣчалъ предъявленнымъ требованіямъ. Такимъ источникомъ можетъ быть лишь единичная личность. Конечно, все зависитъ отъ выбора этого лица. Бываютъ и отдѣльные люди нерѣшительные и со слабымъ характеромъ. Но бываютъ люди и съ очень твердой и рѣшительной волей. Коллегіальныя же учрежденія съ такими качествами не бываютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, еще ни одинъ совѣтъ, ни одинъ комитетъ, ни одна коммиссія не проявляли способности къ быстрымъ рѣшеніямъ и къ выраженію сильной воли. Они по самой своей природѣ не способны къ этому. Принцъ Евгений

Единство
власти.

Савойскій говорилъ: „Если вы хотите ничего не дѣлать, созовите военный совѣтъ“. Австрійскій Гофкригератъ наложилъ параличъ на свою армію въ продолженіе столѣтія.

Итакъ, если мы желаемъ, чтобы наши вооруженныя силы дѣйствовали, то намъ надо имѣть во главѣ одно лицо, способное вести ихъ, облеченное полною властію и свободой дѣйствія и отвѣтственное за всѣ послѣдствія. Если это лицо окажется неспособнымъ, то надо искать другого человѣка болѣе подходящаго, но отнюдь не стѣснять его какими бы то ни было совѣтниками. Воля сильная, свободная и настойчивая воля, это главный залогъ успѣха военныхъ дѣйствій. Къ ея развитію въ войскахъ должны быть направлены всѣ усилія, и, конечно, первымъ дѣломъ надо обезпечить свободный ея источникъ въ лицѣ главнаго начальника.

Что справедливо для всего войска и главнаго его вождя, то въ одинаковой мѣрѣ касается и всѣхъ подраздѣленій вплоть до мельчайшихъ единицъ. Каждая военная часть должна быть въ рукахъ одного человѣка вполне отвѣтственнаго за всѣ послѣдствія. Всякое постороннее вліяніе, кромѣ приказанія непосредственнаго начальника, относится къ разряду безпорядковъ въ военной организаціи. Всякіе совѣты, комиссіи и т. п., облеченные властію, суть зловредные грибы, выросшіе на гнилой почвѣ непониманія военной дисциплины, взаимнаго недоверія, боязни отвѣтственности и вообще общей неспособности.

Вспомнимъ затѣмъ, что военная дисциплина требуетъ, чтобы воля начальника достигала подчиненныхъ кратчайшимъ путемъ, и что она должна тутъ же немедленно исполняться. Ясно, что она должна съ этой цѣлью передаваться непосредственно отъ исполнителя къ исполнителю, т. е. отъ одного строевого начальника къ слѣдующему. Всякая промежуточная инстанція лишняя и производитъ потерю времени. Но главное, чтобы воля начальника нигдѣ не встрѣчала противодѣйствія, измѣненія и тренія. Поэтому она должна распространяться по тому пути, гдѣ такія явленія невозможны, т. е. по линіи тѣхъ лицъ, которыя отвѣчаютъ за точное ея исполненіе.

Эти лица опять-таки строевые начальники. Они одни имѣютъ право отдавать приказанія и они одни отвѣчаютъ за его послѣдствія. Отмѣчаю этотъ фактъ въ виду того, что около прямой военной іерархіи существуетъ множество должностей и учреждений, служащихъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, какъ строевыхъ, такъ и хозяйственныхъ, но по существу своему не исполняющихъ

Дѣйствіе
власти по
прямой линіи
строевыхъ
начальни-
ковъ.

боевыхъ функцій. Это главнымъ образомъ Штабы, разныя инспекціи, управленія и т. п. Всѣ эти лица и учрежденія суть вспомогательные органы военныхъ частей, они ихъ обслуживаютъ и всѣ необходимы для существованія войска, но они не отвѣчаютъ за дѣйствія послѣдняго, а потому и не имѣютъ права ими распоряжаться. Между тѣмъ они имѣютъ много случаевъ и возможности проявлять свое мнѣніе и свои наклонности, особенно Штабы начальствующихъ лицъ часто выказываютъ нежелательную энергію въ этомъ направленіи.

Штабы—это канцелярія, существующія особенно только для удобства начальниковъ, при которыхъ они состоятъ. Они должны собирать свѣдѣнія, необходимыя по его должности, и технически передавать его распоряженія. Они собственно только память и языкъ даннаго лица, но отнюдь не исполнители его воли. У штаба нѣтъ никакихъ средствъ къ исполненію боевыхъ дѣйствій и онъ естественно не можетъ привлекаться къ отвѣту за послѣдствія переданныхъ имъ приказаній. Онъ можетъ лишь отвѣчать за точную передачу, и, не неся отвѣтственности, конечно, не можетъ претендовать на какую бы то ни было власть, а также не долженъ проявлять какую бы то ни было собственную волю. Казалось бы, что это само собою разумѣется; однако, часто тутъ грѣшатъ не только обычаи, но и законодательства. Штабы, инспекціи, техническія и хозяйственныя учрежденія имѣютъ иногда не только возможность, но даже право вмѣшиваться и вліять на рѣшенія строевыхъ начальниковъ, дѣлать отъ себя помимо послѣднихъ различныя распоряженія, завѣдывать назначеніями, распределять личный составъ и матеріальную часть. Все это просто на просто безпорядокъ. Изъ военно-служащихъ никому не должно даже приходить въ голову, что имъ или какими либо его дѣйствіями можетъ распоряжаться кто бы то ни былъ, кромѣ его прямыхъ строевыхъ начальниковъ, и всякое проявленіе власти со стороны постороннихъ лицъ нарушаетъ единство командованія и вообще дисциплину. Оно вноситъ не только безпорядокъ, но и разладъ, ослабляетъ авторитетъ начальниковъ, мѣшаетъ осуществленію ихъ воли и устраняетъ ихъ вліяніе. Лица, не отвѣчающія за послѣдствія своихъ словъ, естественно не стѣсняются въ выраженіяхъ критики; канцелярія, не отвѣтственная за послѣдствія своихъ распоряженій, руководствуется случайными соображеніями, а не непосредственной пользой дѣлу. Вообще проявленіе воли и власти безъ соотвѣтственной отвѣтственности вносить

Штабы

растлѣніе въ строй военной организаціи и совершенно недопустимо. Всякія распоряженія, строевыя, техническія, хозяйственныя, должны исходить отъ строевыхъ начальниковъ. Учрежденія, вѣдающія различными отраслями организаціи и хозяйства, суть учрежденія вспомогательныя, и какъ таковыя должны подчиняться нуждамъ строя. Они исполнители требованій военновачальниковъ и въ лучшемъ случаѣ могутъ играть роль экспертовъ при нихъ. Распоряженія, необходимыя по ихъ специальностямъ, должны исходить отъ строевыхъ начальниковъ, по усмотрѣнію послѣднихъ, но отнюдь не помимо ихъ по усмотрѣнію канцеляріи, а то очень быстро доходятъ до такого абсурда, что арміей и флотомъ командуютъ на дѣлѣ чиновники и писаря.

Знаніе подчиненныхъ своего начальника.

Вспомнимъ еще, что дисциплина добивается осуществленія воли начальника въ подчиненныхъ, а не только формальнаго исполненія его приказаній. Сосредоточенное направленіе воли— вотъ результатъ, который мы отъ нея ожидаемъ, а такой эффектъ не получится отъ одного или нѣсколькихъ отданныхъ приказаній. Они мыслимы лишь въ томъ случаѣ, если все подчиненные раз навсегда проникнуты этой волей, и если они сумѣютъ исполнить ее даже безъ непосредственныхъ указаній. Обстановка военныхъ дѣйствій такъ быстро мѣняется, что часто приказаніе уже теряетъ свое значеніе, пока оно дошло до исполнителей. Разстоянія между ними и ихъ начальниками бываютъ огромныя, свѣдѣнія могутъ въ распорядительныхъ центрахъ быть не точныя, и дѣйствующія лица могутъ очутиться въ обстановкѣ не предполагаемой властями. Наконецъ, могутъ постоянно и въ военное и въ мирное время возникнуть неожиданности, гдѣ никто не успеетъ распорядиться. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и многихъ другихъ воли начальника можетъ быть исполнена лишь въ томъ случаѣ, если она заранее извѣстна. Но какъ заранее знать, что человекъ предприметъ въ данномъ случаѣ? Только посредствомъ близкаго съ нимъ знакомства, основаннаго на долготѣйшей и дѣятельной совместной работѣ. Если подчиненные видали своего начальника въ самой разнообразной обстановкѣ, если они знакомы съ его взглядами, стремленіями и характеромъ, и если они привыкли въ продолженіе долгаго времени всегда дѣйствовать въ его духѣ и по его соображеніямъ, то они въ сомнительныхъ случаяхъ догадаются, что имъ дѣлать для осуществленія его воли. Въ военномъ дѣлѣ почти все случаи сомнительны. Отсюда ясно, насколько важно основательное знаніе своего начальства.

Съ другой стороны начальникъ, желая осуществить то или другое намѣреніе, долженъ въ точности знать не только обстоятельства дѣла, но и все средства, находящіяся въ его распоряженіи, и въ первую очередь людей. Разные люди обладаютъ различными способностями. Отъ цѣлесообразнаго примѣненія таковыхъ зависитъ успѣхъ дѣла. Надо поставить подходящаго человека на подходящее мѣсто. Но какъ это осуществить? Какъ оцѣнить человека? Единственное средство— личное знакомство. Существуютъ различные другіе способы для оцѣнки людей, основанные на системахъ собиранія свѣдѣній посредствомъ аттестаціи и статистическихъ данныхъ, веденія послужныхъ списковъ и т. п., однимъ словомъ посредствомъ бумажнаго дѣлопроизводства. Но такая оцѣнка несостоятельна на томъ простомъ основаніи, что и у начальниковъ есть индивидуальныя качества. Достоинства подчиненныхъ не могутъ быть опредѣлены общимъ масштабомъ. Одинъ и тотъ же человекъ можетъ оказаться очень подходящимъ исполнителемъ для одного командира и совершенно негоднымъ для другого. Всякій военный предназначенъ осуществлять волю лишь одного человека—своего непосредственнаго начальника. Къ нему онъ долженъ подходить и по способностямъ, и по склонностямъ, и по характеру, и тутъ, очевидно, общаго масштаба быть не можетъ. Только лично знакомый начальникъ можетъ быть вполне компетентенъ судить, насколько данный человекъ ему полезенъ или нѣтъ. Я не говорю, чтобы бумажная и канцелярская оцѣнка людей не могла дать нѣкоторое, хотя большей частью и очень неопредѣленное, понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ людей, но она совершенно недостаточна и имѣетъ значеніе болѣе теоретическое. Повторяю, что дѣйствительно ясное понятіе о пригодности того или другого помощника можетъ составиться у военновачальника только на основаніи долгой совместной службы и личныхъ отношеній. Не забудемъ, что единственная цѣль военной дисциплины есть осуществленіе воли начальника въ подчиненныхъ. Если она почему-либо этой цѣли не достигнетъ, то она не дѣйствительна и бесполезна. Поэтому личное и близкое знакомство начальника съ подчиненными есть такое же неуклонное требованіе военной дисциплины, какъ всякое другое.

Знаніе начальника подчиненныхъ.

Разсуждая дальше въ этомъ направленіи, вспомнимъ еще разъ, на что нельзя достаточно напирать, что главная сила войска кроется въ сосредоточенномъ наивысшемъ напряженіи воли всѣхъ

Довѣріе къ начальнику.

его составных частей. Поэтому крайне необходимо принять все меры, чтобы подчиня все эти воли воле одного человека, не уменьшать напряжения каждой в отдельности, а напротив, если возможно, еще усилить ее. Но как этого достигнуть? Как добиться, чтобы приказанія и распоряженія начальниковъ исполнялись безъ сомнѣнн, стремительно, съ воодушевленіемъ и съ приложеніемъ всей жизненной энергн? Единственнымъ основаніемъ такого настроенія можетъ служить довѣріе и сочувствіе. Только слѣное довѣріе и восторженное сочувствіе можетъ заставить одного человека исполнить волю другого съ убѣжденіемъ и съ радостію, особенно если это исполненіе требуетъ жертвы. Въ большой публикѣ существуетъ мнѣніе, что энергн войска зависитъ отъ его патріотизма, отъ преданности дѣлу или данной идеѣ, отъ общаго подъема духа въ націи по самымъ разнообразнымъ причинамъ, даже отъ озлобленія. Но это справедливо только отчасти. Все эти факторы имѣютъ цѣну лишь настолько, насколько они сближаютъ все чины войска и объединяютъ ихъ чувства и стремленія, но они отнюдь не обезпечиваютъ исполненія даннаго приказанія въ данной обстановкѣ. Никакой патріотизмъ не помѣшаетъ подчиненнымъ сомнѣваться въ цѣлесообразности полученнаго распоряженія, никакая преданность общему дѣлу не заглушитъ критики непопулярнаго начальника, а разъ такія явленія возможны, то уже сила войска ослаблена, и дисциплина немощна. Напротивъ, личная преданность начальника, ихъ престижъ и личный авторитетъ пересилитъ всякую обстановку и всякое настроеніе и превратитъ войско въ оружіе, хотя и безгласное, но зато крайне острое и быстро дѣйствующее. Это и волюгъ согласно съ назначеніемъ вооруженныхъ силъ. Они представляютъ оружіе страны, отъ котораго вовсе не требуется торжества идеи, а энергичнаго дѣйствія.

Поэтому военное законодательство такъ и озабочено поднятіемъ престижа начальниковъ. Ихъ всячески разукрашиваютъ вышними признаками власти, окружаютъ почестями, чтобы дѣйствовать на воображеніе подчиненныхъ и закрѣпить въ ихъ сознанн впечатлѣніе превосходства власти. Но обстановка и требованія закона только въ такомъ случаѣ достигаютъ цѣли, если они соотвѣтствуютъ жизненной правдѣ. Суть дѣла въ личности начальника, въ его личныхъ качествахъ и въ его личномъ авторитетѣ. Никакія почести въ концѣ концовъ не скроютъ отъ окружающихъ бездарности, никакая законная власть не замѣнитъ твердаго характера, никакія громкія слова не заслонятъ мелкаго

Личность начальника.

эгоизма. Основаніе и осуществленіе военной дисциплины зависятъ отъ личныхъ качествъ начальника. О требованіяхъ, предъявленныхъ способностямъ полководцевъ, исписаны тома съ приведеніемъ тысячи примѣровъ. Достаточно сказать, что, собственно говоря, онъ долженъ быть сверхъ-человѣкъ. Относительно вышнихъ чиновъ это можетъ быть и такъ, что-же касается начальниковъ вообще и особенно мелкихъ, казалось бы, можно помириться на обыкновенныхъ людяхъ, лишь бы они были воспитаны какъ слѣдуетъ, и поставлены въ подходящія условія. Гораздо полезнѣе озаботиться подысканіемъ наиболѣе подходящаго человека на данное мѣсто изъ числа наличныхъ простыхъ смертныхъ нежели заниматься качествами военнаго генія.

Важны не теоретическія соображенія, а правильно поставленный вопросъ о выборѣ людей на должности. Тутъ все зависитъ отъ основной точки зрѣнія на этотъ вопросъ и съ какого конца мы къ нему приступимъ. Какія соображенія должны руководить назначеніемъ? Какія правила обезпечать выборъ дѣйствительно лучшихъ людей? Это наиважнѣйшій вопросъ военной организаціи. Для правильной постановки этого дѣла надо первоначально выяснитъ себѣ какую мы преслѣдуемъ цѣль. Что въ данномъ случаѣ значитъ выраженіе—лучшіе люди? Понятіе—хорошій, лучший—очень неопредѣленное. Можно быть прекраснымъ для одной цѣли и никуда негоднымъ для другой. Если мы требуемъ хорошаго начальника, то это очевидно наиболѣе полезный для подчиненной ему части. Въдѣ сила и значеніе войска, несмотря на все вліяніе начальниковъ, не въ этихъ единичныхъ людяхъ, а въ частяхъ. Сражаются части, а не начальники. Цѣль военной организаціи и дисциплины усовершенствованіе частей а хорошіе начальники играютъ роль средства для достиженія этой цѣли. Значитъ, въ этомъ вопросѣ, какъ и во всехъ другихъ въ военномъ дѣлѣ, центральное мѣсто занимаетъ польза или вредъ для данной военной части. Ея интересы должны удовлетворяться въ первую очередь, и имъ должны уступать всякія другія соображенія. Итакъ, вопросъ о выборѣ наилучшаго начальника формулируется болѣе опредѣленно такъ: гдѣ бы намъ достать самаго подходящаго начальника для данной части?

Идеальное рѣшеніе вопроса получилоо бы, если бы командиры частей вѣчно оставались ихъ основатели. Въдѣ каждая часть когда-то кѣмъ-то сформирована, получила боевое крещеніе, развилась, опредѣлилась въ своемъ характерѣ подѣ вліяніемъ

Вопросъ о
выборѣ
людей въ
начальники.

известных людей, из которых наиболее выдающиеся оставили неизгладимый след своей личности. Вот если бы можно было способному начальнику, выдвинутому в военное время, закрепили дух и сплоченность своих подчиненных в боях и походах, поручить раз навсегда дальнейшее хранение и усовершенствование собственного создания, то участь этого последнего была бы обеспечена. Но к сожалению люди не долговечны, а военачальники тем более. Они в силу необходимости сменяются слишком часто, а сами части существуют столетиями, и живут совершенно обособленной жизнью, обладают определенным характером, понятиями, традициями, наклонностями, достоинствами и недостатками. В этих то именно качествах проявляется дух, приобретенный боевой деятельностью, в котором залог доблести и самое драгоценное достояние войска. Надо знать и понимать его, чтобы содействовать его развитию и авторитетно руководить его проявлениями. Уже из этого одного вытекает, как трудно найти вполне подходящего начальника, раз старый должен почему-либо оставить командование. Всякая перемена начальства есть своего рода бедствие для военной части, и чтобы по возможности сократить его последствия надо быть до крайности осторожным. Надо в совершенстве знать как подчиненных, так и человека, предназначенного ими командовать, чтобы иметь возможность судить о том подходит ли он.

Значение желаний подчиненных.

Но в таком случае спрашивается, кто же наиболее компетентный судья в этом деле? Конечно, состояние своего духа и вообще самого себя лучше всего знают сами подчиненные части. Им же поручить выбор своего вождя невозможно: иначе это будет не военный начальник, а атаман шайки. Однако умные военные организаторы всегда прислушивались к мнению и желаниям подчиненных. Где в первую очередь требуется доверие к новому лицу, там очень выгодно пользоваться приготовленной почвой. Вообще в таком трудном и деликатном деле, как распределение личного состава и поддержка в нем духа, где так легко очутиться в роли слона в стеклянной лавке, крайне важно пользоваться всеми имеющимися средствами и по возможности не насиловать естественных наклонностей и природных симпатий и антипатий. Во всяком случае, если и не всегда возможно удовлетворить желания подчиненных, то все-таки можно принять за правило, что наиболее подходящий начальник будет человеком из той же среды и получившим одинаковое с ними воспитание.

В некоторых сухопутных частях даже существует обычай, что командирами назначаются только люди, прослужившие в них от основания.

Но кроме подчиненных существуют еще люди близко знакомые и заинтересованные в судьбе данной части. Это непосредственные высшие начальники. Для них вновь назначенные лица имеют еще тот добавочный интерес, что они явятся их непосредственными помощниками. За них придется отвечать, да не только за них лично, но и за результат всей комбинации начальника с подчиненными. Очевидно, — никто другой не отнесется более тщательно к назначениям, как непосредственные начальники. И таково основное правило военной организации. Выбор человека на должность лежит на обязанности и составляет исключительное право непосредственного начальника. Военный начальник отвечает за действия и поведение своих подчиненных, но ответственность эта лишается всякого нравственного основания, если он не имеет возможности выбирать непосредственных помощников по своему вкусу. Простая справедливость не допустит требования, чтобы человек отвечал за людей, навязанных ему со стороны. Он всегда имеет возможность свалить вину на их неспособность или какой-либо другой их недостаток, а раз военный начальник перестал отвечать за подчиненных, то тут же нарушена военная иерархия, подорвана дисциплина, и он превратился в простого чиновника. Военный начальник тем и отличается от последнего, что он несет ответственность не только за свои личные поступки и распоряжения, но и за поведение и действия всех своих подчиненных и особенно ближайших помощников. За это ему и почет особенный; но если ответственность нарушена, то и почести не имеют логичной причины и могут объясняться лишь желанием удовлетворить мелкое тщеславие начальства, в каком виде он и выставлен революционными агитаторами.

Но такие отношения вдруг появиться не могут, такой подчиненный должен быть свой человек, и выбор его не может быть предоставлен посторонним.

Итак мы видим, что с какой бы стороны ни подходить к делу о назначении военных начальников от высших до самых низких, всегда навязывается одно, и главное условие, чтобы выбор непосредственного подчиненного был предоставлен непосредственному начальству. Положение это есть крае-

Право непосредственных начальников на выбор подчиненных.

угольный камень военной дисциплины, и оно должно быть обеспечено не обычаем или доброй волей высшей власти, а непреклонным требованием закона, чтобы никто не имел возможности его нарушить.

Бумажный способ назначения.

Существуют, конечно, и другие способы распределения личного состава. В цѣлях якобы объединения и упорядочения дѣла основываются центральныя учреждения, которыя вѣдаютъ имъ на бумагѣ, ибо иначе не могутъ. Составлены списки, созданы шаблоны, заполняются графы, и вотъ совершенно естественно и нормально замѣщаются вакансии, наступаетъ или не наступаетъ очередь каждому по правиламъ и по закону. Это очень просто и удобно. Оно имѣетъ лишь одинъ недостатокъ, что такое учреждение ничего общаго не имѣетъ съ людьми, которыми оно распоряжается, оно ихъ знаетъ лишь по описанію, иначе знать не можетъ, и весь этотъ способъ дышетъ или самымъ наивнымъ незнаемъ военной обстановки или преступнымъ невниманіемъ къ самому драгоценному достоянію вооруженныхъ силъ родины, къ его духовной связи и къ дисциплинѣ.

Вопросъ о кумовствѣ.

Говорятъ, если выпустить назначеніе изъ строго определенныхъ рамокъ и передать ихъ въ веденіе заинтересованныхъ лицъ, то пойдетъ кумовство. Странная мысль! Что такое кумовство? Это вторженіе неотвѣтственныхъ людей въ область отвѣтственныхъ. Это навязываніе негоднаго пріятеля или родственника неотвѣтственнаго начальника своему отвѣтственному сослуживцу. Чтобы кто-нибудь самъ себя оказывалъ такую услугу этого еще никто не слышалъ.

Но кто же въ данномъ случаѣ отвѣтственное лицо? Центральное учрежденіе что ли? Вѣдь оно отвѣчаетъ только за дѣлопроизводство. Подвести человека подъ графы закона на бумагѣ очень легко, одними послѣдовательными назначеніями совершенно независимо отъ его достоинствъ и недостатковъ и, если потомъ выйдетъ неладно, то оправданіе уже занесено въ списки. Поступлено по закону, и никто не можетъ придраться. Совсѣмъ другое дѣло, если приходится отвѣчать за его поступки. Строевой начальникъ, назначившій по малодушію негоднаго пріятеля къ себѣ въ помощники, очень скоро съ нимъ понадеется и этого опыта уже не повторитъ. Противъ кумовства въ такой обстановкѣ средство очень простое: строгая требовательность результатовъ дѣятельности самого начальника. При отвѣтственномъ начальствѣ

существуетъ другое кумовство, служебное. У всякаго болѣе или менѣе выдающагося дѣятеля всегда есть люди, съ которыми онъ привыкъ работать, и которыхъ онъ старается пристроить около себя. Но это вовсе не вредно, а даже хорошо. Это залогъ сплоченности. Въ Англійскомъ флотѣ каждый командиръ или адмиралъ имѣлъ право при переходѣ на другое судно брать съ собой известное число своей старой команды. Нельсонъ вездѣ имѣлъ съ собою своихъ вельботныхъ.

Кумовство во всей неприглядности возможно лишь при наличіи центральной неотвѣтственной исполнительной власти. Оттуда дѣятельность на испрашиваемомъ мѣстѣ такая незначительная, просьба такъ легко осуществима, что, правда, было бы жестоко отказать просителю, хотя и заведомо неспособному. Начальники же на мѣстѣ бываютъ другихъ взглядовъ.

Возвращаясь къ нашему предмету, къ дисциплинѣ, мы видимъ, что она требуетъ для своего осуществленія такую же личную близкую связь отдѣльныхъ лицъ по восходящей линіи военной іерархіи, какую мы нашли необходимой между равными для осуществленія сплоченности частей. Связь между высшимъ распорядителемъ и непосредственнымъ исполнителемъ представляется въ видѣ одной цѣпи послѣдующихъ начальниковъ, въ которой всѣ звенья должны быть очень крѣпко сцеплены между собой, такъ какъ она испытываетъ значительное натяженіе. Ее надо тщательно охранять отъ посторонняго вмѣшательства, такъ какъ таковое играетъ роль лишняго груза на безъ того сильно натянutomъ канатѣ. Онъ можетъ лопнуть. Но что же сказать, если мы увидимъ, что въ одномъ мѣстѣ этого каната звена не хватаетъ, или если оно вовсе не соединено со слѣдующимъ. Да мы можемъ смѣло сказать, что на этомъ мѣстѣ дисциплина прекратится. Что дальше этого звена, то уже ни ея вліянія и будетъ творить не волю начальства, а свою собственную. На всю эту оторванную часть уже нельзя будетъ вліять какъ на подчиненныхъ. Ее пожалуй можно будетъ заставить исполнять волю начальника, но уже недоброхотно, какъ преданныхъ слугъ, а силой какъ покореннаго непріятеля. Что, на примѣръ, произойдетъ, если выпустить изъ военной іерархіи унтеръ-офицеровъ. Да тогда очень просто всѣ нижніе чины выйдутъ изъ сферы вліянія дисциплины и очутятся въ роли придавленныхъ рабовъ.

Относительно связи между начальниками и подчиненными надо повторить, что было сказано о сплоченности частей. Образо-

Личная связь начальника съ подчиненнымъ и ее непрерывность.

Значеніе времени въ вопросахъ личной связи.

ваніе таковой требует времени. Человѣкъ не машина. Живыхъ людей не соединить безконечнымъ ремнемъ или шестерней. Элементы сѣбленія людей, дружба, довѣріе и взаимное уваженіе развиваются постепенно на почвѣ совместной работы и общихъ интересовъ. Поставивъ людей въ необходимыя условія, надо дать имъ сростись. Если мы желаемъ установить известныя отношенія между начальниками и подчиненными, то надо дать имъ время образоваться и если мы желаемъ въ военное время имѣть хорошую дисциплину, то люди должны находиться на мѣстахъ заблаговременно за много дѣтъ впередъ. Вспомнимъ сколько времени Адмиралъ Того командовалъ эскадрой до начала военныхъ дѣйствій и какую сумятицу внесли въ наши ряды стремительныя перемѣны адмираловъ и командировъ послѣ объявленія войны. Подчиненные должны привыкнуть и привыкаться къ своимъ начальникамъ, а послѣдніе должны имѣть возможность пропитать исполнителей своею волею, своими взглядами и воспитать ихъ въ известномъ духѣ. На все это нужно время и подходящая обстановка. Поэтому можно смѣло утверждать, что измѣненія въ составѣ начальства и въ группировкѣ власти въ послѣднюю минуту передъ войной принадлежатъ къ грубѣйшимъ ошибкамъ военной организаціи. Всѣ должности военной іерархіи, особенно высшія, наиболѣе вліятельныя, должны быть замѣнены въ мирное время, и всѣ начальники до одного, дѣйствующіе при обыкновенныхъ условіяхъ, должны быть предназначены вести своихъ подчиненныхъ въ бой. Особенно центральная власть должна быть опредѣлена и въ полной силѣ выдвинута во всякое время. Безуміе, напримѣръ, отложить назначеніе Главнокомандующаго до момента потребности войны. Внезапное появленіе такой огромной власти внесетъ смятеніе и растерянность въ ряды войска. Вступая въ бой, подчиненные должны твердо знать, какому духу они послушны, и подъ какимъ знаменемъ они дерутся.

Еще нѣсколько словъ о военныхъ законахъ. Въ широкихъ кругахъ народа обыкновенно видятъ основаніе и суть дисциплины въ законахъ, относящихся до нея, и особенно въ карательныхъ. Но это отнюдь не такъ. Мы видѣли, что цѣль дисциплины есть сосредоточеніе энергіи, объединеніе воли, подъемъ духа, что основаніемъ ей служитъ единство власти, близкая связь начальника съ подчиненными, взаимное пониманіе и довѣріе, личный авторитетъ и вліяніе начальниковъ. Все это совершенно не поддается понудительнымъ мѣрамъ. Законъ предполагаетъ существованіе

дисциплины въ сплоченной военной средѣ и регулируетъ лишь высшія ея проявленія. Онъ формулируетъ ея требованія, принуждаетъ къ ихъ выполнению и ограждаетъ ее отъ нарушенія отдельными лицами, но отнюдь не можетъ создать ее въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому нельзя примѣнить его въ неподходящей средѣ. Сила всякаго закона въ его справедливости. Онъ долженъ удовлетворять нравственное сознаніе среды, въ которой онъ дѣйствуетъ. Тогда онъ достигнетъ цѣли, закрѣпитъ и утвердитъ установленныя имъ начала и охранитъ ихъ отъ всякихъ покушеній. Но если этого нѣтъ, если онъ требуетъ невозможнаго, если его нравственная подкладка противорѣчитъ дѣйствительности, если его точка зрѣнія совершенно не соответствуетъ обстановкѣ, то его требованія очевидно несправедливы и насильственное ихъ примѣненіе явится въ глазахъ пострадавшихъ возмутительнымъ произволомъ. Если, напримѣръ, требовать почета для человѣка, котораго вовсе не уважаютъ, если настаивать на проявленіи преданности незнакомому лицу, если жестоко карать за устраненіе себя объ общаго дѣла, котораго нигдѣ не замѣтно, то все это очевидно бессмысленно и не можетъ вызвать ничего кромѣ отвращенія и обиды. Можно бы возразить, что достаточнымъ оправданіемъ для примѣненія военныхъ законовъ служитъ присяга и долгъ передъ Царемъ и отечествомъ. Но это не такъ, ибо тогда достаточно было бы и общихъ гражданскихъ законовъ. Измѣна присяги и Государю одинаково гнусна, гдѣ бы она ни совершилась, и не это имѣетъ въ виду военный законъ въ своихъ взглядахъ на дисциплину. Большинство его требованій даже не имѣетъ непосредственной связи ни съ присягой ни съ долгомъ передъ Царемъ и отечествомъ. Что, напримѣръ, общаго между оказаніемъ почестей и присягой или чѣмъ нарушенъ долгъ передъ родиной, если человѣкъ не исполнилъ бесполезное по его мнѣнію порученіе? Тутъ вредъ отечеству наносится очень посредственно только нарушеніемъ дисциплины и послѣдовательнымъ сѣбленіемъ цѣлаго ряда понятій вовсе не ясныхъ каждому. Нѣтъ, законъ озабоченъ поддержкой особыхъ условій, необходимыхъ въ военной средѣ для выполнения ея специальной задачи, и чтобы понять это надо получить военное воспитаніе и привыкнуть къ военной средѣ. Если войско хорошо организовано, и если духъ въ немъ воинственный, то законы военные лишь выраженіе общихъ понятій о правдѣ и справедливости, если же войско деморализовано, разрознено, и духъ въ немъ упалъ, то уже смыслъ военныхъ законовъ для него нѣчто чужое и непонятное. Это непони-

маніе ихъ значенія и чувство несправедливаго гнета, вызванное ихъ примѣненіемъ, даже можетъ служить основаніемъ къ возмущеніямъ и вызвать результатъ противоположный ожидаемому. Этимъ объясняется, почему ихъ примѣненіе въ иныхъ случаяхъ сопровождается полнымъ фіаско. Безпорядокъ и противодействие власти стараются прекратить самыми строгими карательными мѣрами, а безпорядокъ все растетъ и духъ возмущенія все крѣпнѣетъ питаемый самой строгостью закона. „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Карательныя мѣры военныхъ законовъ очень тяжелый молотъ, и раньше чѣмъ ударить, надо тщательно приготовить матеріалъ, а то онъ можетъ разлетѣться въ мелкіе куски. Качество же матеріала зависитъ отъ тщательной цѣлесообразной организаціи, отнюдь не отъ насильственныхъ мѣръ.

Военный духъ
плодъ организаціи.

Въ итогѣ мы видимъ, что на военный духъ и на военное сознание нельзя смотрѣть какъ на явленіе случайное или зависимое только отъ характера и настроенія людей въ данную минуту. Напротивъ, это отличительное качество всякаго хорошо организованнаго войска и происходитъ отъ естественнаго развитія общихъ свойствъ человѣческой природы подъ давленіемъ известной обстановки. Создать ихъ непосредственно никто не можетъ, какъ никто не можетъ смастерить живую виноградную лозу, приносящую плодъ въ свое время. Войско представляетъ собою живой организмъ, военный духъ и сознание въ немъ только естественное проявленіе его здоровой жизни. Родина этого организма—война, борьба народовъ за существованіе—его природная почва, бой и походы—климатъ, гдѣ онъ растетъ въ дикомъ видѣ. Въ мирное время онъ прозябаетъ, не находитъ пищи корнямъ, задыхается въ непривычной атмосферѣ, болѣетъ и вырождается. Для поддержки его существованія надо создать искусственныя условія наиболее похожія на его родную страну. Его можно сравнить съ тропическимъ растеніемъ въ теплицѣ, гдѣ оно ограждено отъ вредныхъ вліяній неподходящаго климата, гдѣ ему приготовлена почва наиболее похожая на природную, гдѣ температура и влажность тщательно поддерживаются въ предѣлахъ его родного климата. Тутъ нѣтъ никакого простора фантазіямъ и изобрѣтеніямъ садовника. Онъ долженъ точно примѣняться къ требованіямъ растенія, тщательно изучить его природу, условія его дальняго края и приложить всѣ старанія къ точному ихъ воспроизведенію. Тогда онъ можетъ надѣяться на процвѣтаніе своего питомца.

Если же онъ захочетъ передѣлать растеніе на свой ладъ, заставить его примѣняться къ другимъ условіямъ, то оно пропадетъ. Природу насиловать нельзя. Совершенно также военный организмъ имѣетъ точно опредѣленныя потребности. Это произведеніе природы, а не рукъ людскихъ. Онъ созданъ внутренними свойствами и жизненной силой участвующихъ въ немъ людей подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій и никакая человѣческая воля не можетъ передѣлать законовъ, управляющихъ его развитіемъ. Есть только двѣ возможности, или подчиняться этимъ законамъ природы, исполнять ихъ требованія и этимъ содѣйствовать естественному образованію военнаго сословія, или не признавать ихъ и уничтожить войско. Поэтому первой заботой военнаго организатора должно быть тщательное изученіе этихъ законовъ природы и потребностей военнаго быта, его психологій и строя его мыслей. Очень важно, чтобы точка зрѣнія администраціи соотвѣтствовала дѣйствующимъ въ жизни этой среды отношеніямъ причинъ и послѣдствій—и чтобы группировка предметовъ и понятій въ теоріи законодательства совпала съ дѣйствительнымъ значеніемъ этихъ величинъ въ жизни войска.

Сравнительная цѣна, порядокъ взаимодействія и условія соотношеній всѣхъ факторовъ и явленій военнаго организма составляютъ предметъ не опредѣленія, а изученія военной администраціи. Она не вольна въ опредѣленіи ихъ функций. Они дѣйствуютъ помимо человѣческой воли, и если ихъ значеніе ошибочно понито, то законодатель получитъ часто результатъ обратный ожидаемому. Какъ медикъ долженъ основательно знать анатомію и физиологію человѣческаго организма, раньше чѣмъ примѣнять какое либо лѣкарство, такъ успѣхъ всякой законодательной мѣры въ военной организаціи зависитъ отъ тщательнаго изученія условій быта и жизни войска. Предметъ этотъ, конечно, крайне обширный, но нѣкоторыя его начала нами уже были выдвинуты, и я хотѣлъ бы вкратцѣ повторить ихъ.

Мы видѣли, что основу войска составляютъ войсковыя части. Они представители его матеріальной силы, отъ ихъ сплоченности и энергій зависитъ успѣхъ бои, они же хранители духа и воспитатели будущихъ поколѣній. Однимъ словомъ, они безусловно главныя лица вооруженныхъ силъ. Все остальное существуетъ только для нихъ, для ихъ поддержки и усовершенствованія. Очевидно, ихъ интересамъ должны уступать всякіе другіе и всякій вопросъ законодательства и администраціи долженъ первымъ

Потребности военнаго быта опредѣляются законами природы.

дѣломъ разсматриваться съ точки зрѣнія пользы или вреда для войсковыхъ частей. Въ предыдущемъ я старался показать, что самое ихъ существованіе зависитъ отъ возможности самостоятельной жизни, отъ степени сплоченности и дисциплины въ ихъ средѣ. Для этого я указалъ на нѣкоторые неизбѣжныя условія, а именно:

- 1) Долговѣчность и самостоятельное существованіе войсковыхъ частей, охрана ихъ корпоративнаго духа и традиціи.
- 2) Необходимость личной связи, какъ между равными своей части, такъ и между начальниками и непосредственными подчиненными.
- 3) Право частей опредѣлять собственный составъ, принимать только лицъ желательныхъ и выдѣлять изъ своей среды неподходящіе элементы.
- 4) Сохраненіе постоянного личнаго состава въ частяхъ и забота о постоянной совмѣстной дѣятельности.
- 5) Необходимость сосредоточить всякую власть въ войскахъ въ рукахъ единичныхъ лицъ вполне отвѣтственныхъ за всѣ дѣйствія подчиненныхъ.
- 6) Необходимость нахождения всей власти въ рукахъ строевыхъ начальниковъ и тщательное отстраненіе посторонняго вмѣшательства.
- 7) Непремѣнное право отвѣтственныхъ строевыхъ начальниковъ выбирать своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ по своему усмотрѣнію.

8) Необходимость имѣть всѣ должности строевыхъ начальниковъ отъ Главнокомандующаго до нижняго чина замѣщенными во всякое время.

9) Строгое и опредѣленное требованіе отвѣтственности начальниковъ за всѣ дѣйствія и за поведеніе всѣхъ подчиненныхъ, а воинскихъ частей за поведеніе каждаго отдѣльнаго ихъ чина.

Эти девять пунктовъ мною приведены какъ наиболѣе интересные ввиду непосредственной цѣли этой статьи и состоянія именно нашего флота. Обращаю особенное вниманіе на тотъ фактъ, что ни одно изъ этихъ условій не можетъ быть вычеркнуто безъ существеннаго ущерба для духа и дисциплины личнаго состава. Они вытекаютъ изъ самой природы вещей, а не составляютъ особенности какой нибудь системы, которую можно примѣнять или придерживаться другой по усмотрѣнію. Тутъ благоусмотрѣнія нѣтъ. Или мы эти условія исполнимъ, и у насъ будетъ войско, или же не исполнимъ—и войска не будетъ.

Закончимъ теперь обзоръ свойствъ и причинъ нравственныхъ особенностей военнаго быта непосредственнымъ обращеніемъ къ вопросу о военномъ воспитаніи. Мы всѣ понимаемъ, что военная среда совсѣмъ своеобразная, и что къ ней надо привыкнуть, чтобы понять ее. У военныхъ свои особыя взгляды не только на свою специальную дѣятельность, но и на всѣ человѣческія отношенія и на всю жизнь. Они специалисты не только по занятіямъ, но и по душевнымъ качествамъ. Отъ степени развитія этихъ особенностей зависитъ пригодность войска къ выполненію своей задачи. Очевидно, надо имѣть способность видѣть, слышать и чувствовать нравственныя явленія военной среды, чтобы на практикѣ найти точку приложенія военной науки. Вѣдь послѣдняя во всѣхъ своихъ выводахъ имѣетъ ввиду готовый матеріалъ войска, о качествахъ же такового можно судить лишь на дѣлѣ. При любой постройкѣ всѣ расчеты основаны на извѣстномъ коэффициентѣ сопротивленія матеріала. Такъ и всѣ расчеты стратегіи и тактики основаны на коэффициентѣ сопротивленія боевыхъ единицъ. Но какая книжка намъ дастъ способъ для его опредѣленія? Мы принимаемъ боевой коэффициентъ корабля по вооруженію, по бронѣ и по ходу, но кто дастъ намъ мѣрку для его главнаго элемента, для нравственнаго состоянія его экипажа? Такой масштабъ можетъ находиться лишь въ собственной душѣ начальника. Если онъ всю свою жизнь жилъ въ военной средѣ, если онъ къ ней привыкъ, если онъ сросся съ нею всѣми симпатіями и антипатіями, то онъ однимъ чутьемъ опредѣлитъ ея нравственную атмосферу, онъ сейчасъ увидитъ насколько дисциплина дѣйствительна или только виѣшняя; онъ по одному слову, по первому взгляду почувствуетъ отношенія между начальниками и подчиненными, людей между собою и ихъ настроеніе. Однимъ словомъ онъ сразу замѣтитъ тѣ неувидимые для посторонняго глаза признаки, по которымъ военный человѣкъ узнаетъ состояніе духа своей родной среды. Онъ сейчасъ же увидитъ причины могущихъ встрѣтиться недостатковъ и приметъ мѣры къ ихъ устраненію. Посторонній человѣкъ тутъ совершенно безпомощенъ. Онъ ничего не увидитъ, ничего не замѣтитъ и если онъ даже обратитъ вниманіе на слишкомъ уже явныя прорѣхи, то у него не хватитъ ни сочувствія, ни пониманія для ихъ исцѣленія.

Это лучше всего выяснитъ на примѣрѣ. Почему такой военный геній, какъ Наполеонъ побѣждалъ весь міръ своей арміей и не могъ добиться результатовъ отъ своего флота? Свою армію онъ самъ создалъ и усовершенствовалъ. Это былъ его близкій

Значеніе воспитания при отборѣ начальниковъ.

другъ, онъ съ дѣтства къ нему привыкъ и зналъ всѣ мельчайшія извилины его души, всякій его жестъ, выраженіе глазъ. Онъ чувствовалъ и разсуждалъ въ унисонъ со своей арміей и всякую минуту зналъ, на что она способна, на что иѣтъ, что ее радуетъ, и что ее огорчаетъ, чѣмъ она удовлетворена, въ чемъ она нуждается, и всѣ его расчеты оправдывались на практикѣ. Но своего флота онъ не понималъ. Онъ въ его строю не служилъ и былъ ему чуждъ. Многие считаютъ, что онъ не сумѣлъ оцѣнить положеніе флота изъ-за незнакомства съ техническими условіями. Но это не такъ. Не такой онъ былъ человекъ, чтобы не познакомиться со всѣми подробностями обстановки. Онъ прекрасно зналъ, съ какими трудностями по матеріальной части флоту приходилось бороться, но съ ними можно было справиться и онъ справился. И въ арміи затрудненія были не меньшія. Стратегическіе и тактическіе его планы были вполне вѣрны и приспособлены къ обстоятельствамъ. Онъ вполне признавалъ трудность ихъ исполненія, но онъ мѣрилъ эту задачу своей энергіей и масштабомъ своей арміи, способной на сверхъестественное напряженіе. Одного онъ не зналъ, а именно личнаго состава своего флота, онъ съ ними не сжился и не могъ опредѣлить, какъ обстановка на нихъ повліяетъ. Онъ не могъ предвидѣть, какими глазами флотъ посмотритъ на всѣ трудности возложенной на него задачи, не зналъ, что препятствія вполне преодолимые для его собственной огромной силы воли могли казаться подавляющими для менѣе самоувѣренныхъ людей. Онъ требовалъ, онъ увѣщевалъ, но вмѣсто того, чтобы какъ въ арміи увлечь за собой все и вся, его великая личность пугала и подавляла. Результатъ извѣстенъ, и онъ произошелъ не отчего другого, какъ отъ пробѣла въ воспитаніи его самого—Наполеона. Если бы онъ сумѣлъ понять душевное состояніе своего флота, онъ бы могъ къ нему примѣниться, начать съ меньшихъ задачъ, поднять его самоувѣренность понемногу и добиться совсѣмъ другого конца. Какъ разъ обратное мы видимъ у его противника. Нельсонъ позволялъ себѣ самыя неосторожныя отступленія отъ элементарныхъ правилъ тактики, потому что зналъ коэффициентъ боевой силы своихъ экипажей. Инженеръ не станетъ строить свода, а положить простую деревянную балку, если нагрузка предвидится очень маленькая. Такъ и Нельсонъ не сталъ заниматься тактическими маневрами лишь бы поскорѣе добраться до непріятеля. Онъ зналъ, что его корабли все равно разобьютъ французовъ, какъ бы ни подошли. Онъ съ ними жилъ и служилъ съ самаго начала и не ошибся.

Усиѣхъ доказалъ правильность его расчетовъ и выпалъ на его долю не потому, что онъ обладалъ особымъ даромъ военныхъ комбинацій, но потому, что его выдающіяся качества ума и характера могли развиваться и примѣняться въ подходящей средѣ.

Вообще всѣ выдающіеся полководцы, учителя и законодатели военного искусства на дѣлѣ были строевики. Они всѣ были произведеніями своего войска, отпрысками его нрава. Если и нельзя отрицать ихъ безусловнаго вліянія на своихъ подчиненныхъ и того что они были душой и авторами ихъ настроенія, то не надо забывать, что само это вліяніе не могло-бы существовать, если бы они не были имъ родные по духу, чуткіе и понятливые товарищи.

Итакъ военное воспитаніе есть основа дѣятельности всякаго военнаго отъ Главнокомандующаго до нижняго чина. Всѣ остальные вопросы, какъ образованіе, обученіе, вооруженіе и снабженіе—второстепенные. Они сами собой образуются, какъ только воспитаніе станетъ на должную высоту. Воспитаніе опредѣляетъ работоспособность и направленіе, а безъ него всѣ старанія напрасны. Единственные-же воспитатели подъ луною, это крѣпкія духомъ, сплоченныя и дисциплинированныя строевыя части. Если мы увидимъ какой бы то ни было недостатокъ въ нашихъ рядахъ, если мы ищемъ причину какой-бы то ни было неудачи, то вотъ въ какую сторону слѣдуетъ направить наши взоры. Состояніе строевыхъ частей, вотъ первоначальный источникъ всякихъ благополучій и всякихъ бѣдъ.

III.

Состояніе духа и дисциплины въ нашемъ флотѣ.

Вернемся теперь отъ Наполеона и ему подобныхъ къ собственнымъ дѣламъ. Одного взгляда на нашу организацію достаточно, чтобы убѣдиться, что дѣло воспитанія въ нашемъ флотѣ должно быть обставлено крайне печально. Гдѣ мы можемъ воспитываться? Гдѣ наши традиции, гдѣ наши войсковыя части, гдѣ необходимѣйшія условія дисциплины? По всей линіи отвѣтъ отрицательный и результатъ такой-же. Не только отсутствіе этого воспитанія сказывается въ нижнихъ необразованныхъ слояхъ въ бунтахъ, беспорядкахъ, дурномъ поведеніи, въ поверхностномъ отношеніи къ службѣ и въ огромныхъ пробѣлахъ обученія, но и въ самыхъ развитыхъ и образованныхъ сферахъ, въ ихъ взглядахъ и отношеніяхъ къ дѣлу. Нѣкоторые, хотя очень немногіе, даже до сихъ поръ утверждаютъ, что у насъ все благополучно, что неудачная война и послѣдующій развалъ были послѣдствія лишь случайныхъ и второстепенныхъ упущеній, по винѣ отдѣльныхъ лицъ. Они такъ и не замѣчаютъ, что вся машина скрипитъ и не трогается съ мѣста. Имѣя глаза, не видятъ, имѣя уши, не слышатъ. Но разберемъ явленія нашего быта нѣсколько подробнѣе по тому-же пути, по которому шли, обсуждая нравственныя качества войска вообще.

Традиціи

Первый вопросъ. Что мы сохранили отъ прошлыхъ войнъ? Гдѣ наши традиции? Замѣтимъ, что слово „традиція“ не значитъ воспоминаніе или историческая память, напротивъ, это, какъ слово само выражаетъ, нѣчто переданное, нѣчто болѣе существенное, сохранившееся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Традиціи состоятъ изъ обычаевъ, взглядовъ, способа разсуждать и дѣйствовать, перенятаго изъ временъ славныхъ подвиговъ собственныхъ предковъ. Это остатки ихъ духа и характера. Но гдѣ мы это слышимъ въ нашемъ флотѣ?

У насъ такъ часто формировались и расформировались, собирались и распускались корабли и экипажи, что о какой-либо части съ историческимъ прошлымъ и рѣчи быть не можетъ. Единственное исключеніе „Гвардейскій Экипажъ“. Тамъ есть и память прошлаго и традиція. Зато онъ рѣзко выдѣляется изъ остальной среды въ лучшую сторону. И въ мирное время не только въ самомъ экипажѣ, но и на его судахъ въ отдаленныхъ водахъ порядокъ и дисциплина стояли выше другихъ. Замѣчалось сознаніе у служащихъ извѣстнаго долга передъ своимъ мундиромъ, чувство, что они обязаны держать знамя своей части высоко. Во время войны всѣ его чины, участвовавшіе въ ней, исполнили свой долгъ до конца. Интересно обратить вниманіе на способность Гвардейскаго Экипажа привязывать къ себѣ своихъ членовъ. Миѣ извѣстенъ случай, когда одинъ изъ его офицеровъ, будучи раненъ, и думая что онъ не выживетъ, просилъ присутствующихъ передать въ экипажъ, какъ онъ умеръ. Онъ остался живъ и слава Богу теперь здравствуетъ, но фактъ остается фактомъ. На какомъ бы кораблѣ ктонибудь изъ насъ вздумалъ умирая привѣтствовать экипажъ? Хорошо, если ему не придется прибѣгнуть къ памятной книжкѣ, чтобы узнать его номеръ. Замѣтимъ, что „Гвардейскій Экипажъ“ собственно чисто сухопутная часть, тѣмъ не менѣе его вліяніе распространяется въ такой высокой степени и на корабли. Люди въ немъ такіе же какъ и въ остальномъ флотѣ, но часть, какъ таковая, старая, съ традиціями, нѣсколько обособленная, съ извѣстными правами и даже съ отдѣльной формой. Какое огромное вліяніе эти на первый взглядъ не такъ уже значительныя факторы возымѣли на его нравственныя качества! И въ самый разгаръ бунтовъ ни въ немъ, ни на его корабляхъ беспорядковъ не было. Между тѣмъ онъ подвергался многимъ вреднымъ вліяніямъ наравнѣ съ остальнымъ флотомъ. Однако онъ устоялъ, главнымъ образомъ потому, что имѣлъ возможность отдѣльнаго самостоятельнаго существованія. И въ остальномъ флотѣ бывають попытки сохранить традиціи. Есть у насъ „Память Азова“, „Память Меркурія“ съ Георгіевскими флагами. Но эти корабли только доказали, насколько бесполезно хранить историческую память въ предметахъ матеріальной части, а не въ душахъ живыхъ людей. Какъ разъ на „Памяти Азова“ произошло одно изъ самыхъ отвратительныхъ возмущеній. На нѣкоторыхъ судахъ имѣются впрочемъ свои традиции, но какія? Вспомнился миѣ случай въ Портъ-Артурѣ. На одномъ изъ судовъ уже во время военныхъ дѣйствій праздновался хра-

новой праздник. За обѣдомъ адмиралъ, бывшій командиръ этого корабля, произнесъ рѣчь, въ которой онъ напомнилъ служащимъ, какъ славно они возили Его Высокопревосходительство Намѣстника и Его Высокопревосходительство Военнаго Министра и заслужили благодарность. Вотъ чѣмъ приходится подбадривать личный составъ на боевые подвиги.

Судьба участ-
никовъ по-
слѣдней вой-
ны. Нижние
чины.

Но вотъ у насъ недавно была война. Она непременно сдѣлала свое дѣло и создала множество дѣйствительно военныхъ типовъ. Все эти люди живы. Вотъ случай вернуть упущенное и цѣпляться за драгоценный матеріалъ. Что же у насъ произошло? Нижние чины вернулись съ войны не въ духѣ. Произвели безпорядки, отчасти даже бунты. И вотъ мы ихъ испугались. Скорѣе всѣхъ въ запасъ въ деревню. Нѣкоторымъ судамъ не дали даже высадиться въ порту. Прямо съ корабля на желѣзную дорогу и по домамъ!—и сейчасъ же замѣтили ихъ сѣренькими мужичками. Между тѣмъ вовсе не все бунтовало. Огромное большинство вело себя совершенно корректно. Конечно, большинство хотѣло попасть домой, но если бы были приняты какія-либо мѣры, то значительную часть удалось бы сохранить на службѣ. Сейчасъ очень немногіе согласились бы остаться на сверхсрочной службѣ, но черезъ шесть мѣсяцевъ, черезъ годъ огромное количество вернулось бы; тяжелая обстановка въ деревнѣ влѣдствіе революціоннаго движенія сильно способствовала этому. И по сейчасъ многіе просятся обратно, но пріемъ ихъ зависитъ отъ желанія командировъ судовъ и экипажей и большинству отказываютъ. Очень немногіе командиры любятъ сверхсрочныхъ. Это элементъ задорный, беспокойный и съ претензіями. Конечно, сверхсрочный—не новобранецъ. У военнаго человѣка есть и самосознаніе и самолюбіе, онъ требуетъ гораздо больше вниманія и ставитъ начальника въ болѣе тяжелыя условія. Надо себя показать, а то признавать не будутъ. Куда спокойнѣе съ безгласными, тихими новобранцами. Ихъ хотя и 500 человѣкъ попрячется по трюмамъ отъ появленія 25-ти бунтовщиковъ, но зато они покорно повинуются всякому начальству, даже приѣзжей еврейкѣ. Вотъ какіе у насъ взгляды и симпатіи! Вотъ какое наше военное воспитаніе! Конечно, не все такъ поступаютъ; и знаю командировъ, особенно вернувшихся съ войны, которые отыскиваютъ старыхъ людей, но въ общемъ картина такая: наше драгоценное достоиніе этой войны, люди сражавшіеся въ Портъ-Артурѣ и подѣ Цусимой испытанные и показавшіе себя раз-

сѣяны по всей Россіи какъ дуновеніемъ вѣтра. Наши Георгіевскіе кавалеры въ лучшемъ случаѣ подають пальто въ швейцарской, а въ худшемъ христарадничаютъ на улицахъ, а на корабляхъ тѣ-же сѣрые мужики, что и до войны. Гдѣ наше военное чутье?

Офицеры.

Офицеры, конечно, большей частью остались на службѣ, хотя далеко не все. Но и тутъ незамѣтно сознательнаго отношенія къ сохраненію того боевого матеріала, который намъ дала война, и къ использованию его для оздоровленія нашего вялаго организма. На первыхъ порахъ было сдѣлано нѣчто вроде попытки давать людямъ съ боевымъ опытомъ преобладающее вліяніе въ вопросахъ реорганизации, вооруженія, обученія и т. п. За это взяли чисто канцелярскимъ путемъ. Засадил ихъ всѣхъ по коммисіямъ, поговорили, порядили, и все окончилось пустяками. На отвѣтственныхъ же мѣстахъ боевой опытъ не является главнымъ условіемъ, а въ центральныхъ и рѣшающихъ инстанціяхъ онъ даже въ значительномъ меньшинствѣ. Война была неудачная, поэтому ея участники не пользуются особеннымъ престижемъ. Я убѣжденъ, что очень многіе изъ просидѣвшихъ здѣсь въ тайникѣ своей души считаютъ, что они гораздо лучше распорядились бы, если бы имъ предоставили возможность. Но вотъ въ томъ то и дѣло, что каковъ бы исходъ войны ни былъ, урокъ то свой она преподала. Оттого она и была неудачною, что ея участники смотрѣли на вещи до ея начала такими же глазами, какъ на нихъ смотреть и по сей день ихъ оставшіеся позади товарищи. Зато у нихъ теперь-то глаза хотя отчасти открылись и если можно надѣяться на лучшее будущее, то только съ ихъ помощью. Но этого-то убѣжденія у насъ незамѣтно. Если иные боевые офицеры и подвинулись быстро впередъ, то ихъ движеніе носитъ характеръ личной награды за ихъ заслуги, а не вытекаетъ изъ сознанія необходимости имѣть боевой опытъ на рѣшающемъ мѣстѣ. Уже теперь черезъ два года послѣ войны наши боевые элементы начинаютъ растворяться въ общей массѣ и покрываться тиной старой канцелярищины. Теперь идутъ совѣщанія относительно важнѣйшихъ реформъ въ нашемъ вѣдомствѣ, и что-же? Огромное большинство голосовъ принадлежитъ представителямъ канцеляріи, а боевые строевики почти отсутствуютъ. А наша молодежь? Похлопотались ли мы о томъ, чтобы выдвинуть скорѣе образованныхъ подѣ снарядами офицеровъ, чтобы въ будущемъ флотъ очутился въ надежныхъ понятливыхъ рукахъ? Вѣдь молодежь больше училась на войнѣ, нежели старшіе чины, она болѣе восприимчива и

впечатлительна, и ее военная обстановка скорее и совершеннее обработала на свой лад. Они более надежные военные, нежели их старшие товарищи, и подают блестящую надежду на будущность, лишь бы их выставить вперед и дать им возможность забрать флотъ въ свои руки. Для освѣщенія этого вопроса и приведу одинъ фактъ. Въ наградномъ отдѣленіи сидитъ капитанъ I-го ранга Сухомлинъ. Ему было поручено благое дѣло, выбрать и собрать изъ представлений къ наградамъ по возможности всѣ детали о подвигахъ совершенныхъ офицерами, для ихъ характеристики. Это было предпринято въ цѣляхъ аттестаціонныхъ, чтобы точнѣе узнать, какой боевой элементъ представляетъ такой то или такой-то. Капитанъ I-го ранга Сухомлинъ почти окончилъ свой трудъ. За все это время никто не заинтересовался узнать о его результатѣ. Да кому онъ могъ понадобиться? Нани канцеляріи, завѣдующія личнымъ составомъ, совершенно удовлетворены. Теперь выработаны подробнѣйшіе аттестаціонные бланки. Они исправно поступаютъ. Всѣ параграфы въ офицерскихъ спискахъ выполнены. У насъ еще недавно опубликованъ совершенно новый шаблонъ для прохожденія службы. Всѣ данныя для пополненія всѣхъ его графъ на лицо. На что же еще нужно знать, каковъ боевой характеръ даннаго офицера? Опять мысль о войнѣ отодвинута и заслонена заботой о бумажномъ дѣлопроизводствѣ.

Сплоченность
Экипажа и
корабля.

Слѣдующій вопросъ. Каковъ духъ и сплоченность нашихъ строевыхъ частей? Тутъ же сразу наткнемся на странное обстоятельство. Всякій флотскій чинъ состоитъ въ двухъ частяхъ одновременно, въ экипажѣ и на кораблѣ. Которая же изъ нихъ собственно его строевая часть? Если бы меня спросили 25 лѣтъ тому назадъ, я бы не колеблясь отвѣтилъ „экипажъ“. Въ то время въ экипажѣ былъ болѣе или менѣе постоянный составъ и требовалась строевая служба. Суда внутренняго плаванія снаряжались лишь на нѣсколько мѣсяцевъ въ году, а суда заграничнаго плаванія отсутствовали по нѣсколько лѣтъ со своимъ разъ назначеннымъ личнымъ составомъ и были такъ малочисленны, что это ихъ отсутствіе почти не вліяло на общій ходъ дѣла. Зато на берегу въ экипажѣ сидѣло крѣпкое и безспорно старшее начальство, которое положило свою печать на подчиненныхъ. Экипажи обладали индивидуальностью и имѣли различныя физиономіи. Кто не помнитъ 1-й экипажъ адмирала Крузенштерна или 5-й экипажъ адмирала Шеффнера? Эти части могли до нѣкоторой степени называться сплоченными. Но только до нѣко-

торой степени. Я имѣлъ случай сравнить ихъ съ Л.-Гв. Семеновскимъ полкомъ. Въ предисловіи я уже сказалъ, что намѣренъ изложить вещи, какъ я ихъ вижу, и больше ничего. Поэтому я нахожу возможнымъ сообщить личныя впечатлѣнія. Я перешелъ во флотъ изъ Л.-Гв. Семеновскаго полка и не могъ не замѣтить огромной разницы въ духѣ и дисциплинѣ. Тамъ забота о репутаціи полка стояла на первомъ планѣ, старательно оберегался престижъ начальниковъ, принимались всѣ мѣры къ упроченію личныхъ отношеній и къ подъему корпоративнаго духа, дисциплина строго соблюдалась и по существу и въ мельчайшихъ виѣшнихъ проявленіяхъ. Здѣсь же все это существовало въ гораздо меньшей степени. Уже чувствовалось раззорительное вліяніе другой параллельной, хотя и малозначущей части, а именно, корабля. Въ то время было въ модѣ морячить. Экипажъ изображалъ часть строевую, но не морскую и не боевую. Чины же его желали быть моряками и показывали это просто на просто тѣмъ, что относились пренебрежительно ко многимъ виѣшнимъ признакамъ дисциплины и воинскаго порядка и не очень заботились о нравственной сторонѣ своего экипажа. Конечно, и авторитетъ берегового начальства страдалъ отъ такого настроенія. Зато корабли заграничнаго плаванія были въ почетѣ. На нихъ смотрѣли съ благоговѣніемъ, и командиры пользовались огромнымъ престижемъ. На нихъ и духъ бывалъ хорошій. Эти суда уходили обыкновенно на 3, 4, даже 5 лѣтъ со своимъ постояннымъ составомъ и возвращались прекрасно сжившимися и сдружившимися съ ярко выраженнымъ корпоративнымъ чувствомъ. Это показываетъ, какъ легко достигается сплоченность въ морѣ, гдѣ люди поневолѣ все время вмѣстѣ. Во флотѣ эта задача гораздо скорѣе выполняема, чѣмъ на сухомъ пути. Конечно, и эти суда были далеки отъ идеала боевого единства. Они были слабо вооружены, и миссія ихъ бывала обыкновенно мирная. Естественно, военная сторона дѣла уступала морской; но они все-таки развивали лучшія качества нашего личнаго состава и оставили о себѣ самое отрадное воспоминаніе. Ихъ воспитательнаго значенія отрицать нельзя. И все потому, что они имѣли возможность самостоятельнаго существованія въ продолженіе хотя сколько нибудь продолжительнаго періода. Чего бы мы могли достигъ, если бы мы систематически поддерживали существованіе корабля отъ поколѣнія въ поколѣніе и обставили бы его всякими атрибутами самостоятельной жизни, если бы мы всѣми мѣрами, давленіемъ извнѣ и подогрѣваніемъ внутри, содѣйствовали его объединенію? Мы бы давно

имѣли людей преданныхъ своему кораблю до фанатизма, для которыхъ мысль о спускѣ флага была бы бредомъ умалишеннаго.

Переформиро-
ваніе экипа-
жей.

Однако, большая часть нашего личного состава за границу не пошла, а оставалась служить на сухомъ пути, отправляясь въ море лишь въ продолженіе 3-хъ—4-хъ мѣсяцевъ въ году. Порядокъ былъ не блестящій, но терпимый. Тутъ въ серединѣ 80-хъ годовъ подошло возрожденіе флота, т. е. его матеріальной части. Появились новыя потребности, флотъ сталъ больше плавать, и часто сухопутный строй сталъ очень неудобенъ. Вслѣдствіе этого была предпринята реформа, выразившаяся главнымъ образомъ въ переформированіи экипажей и въ измѣненіи ихъ отношеній къ кораблю. Послѣдній значительно повысился въ своемъ значеніи. Центральная власть экипажа была упразднена и замѣнена временнымъ начальствомъ въ лицѣ старшаго судового командира изъ присутствующихъ. Мѣра эта была внушена и проведена самими лучшими намѣреніями, желаніемъ сблизить сослуживцевъ, упрочить постоянство состава въ командахъ и дать вообще нашему быту болѣе подходящій къ морской обстановкѣ строй.

Но результатъ получился какъ разъ обратный ожидаемому. Реформа была проведена неумѣлой рукой и упустила изъ виду одно изъ основныхъ положеній военной организаціи, что дисциплина и сплоченность зиждется на личныхъ сношеніяхъ, и что нельзя объединять въ одно цѣлое корабль, плавающій на востокѣ, и экипажъ въ Кронштадтѣ, или даже просто судно на рейдѣ и команду на берегу. Они непременно будутъ вести отдѣльное существованіе, и если ихъ связать искусственно, то они другъ другу будутъ мѣшать и взаимно не позволятъ другъ другу развиваться. Это очень скоро и сказалося на дѣлѣ. Постоянное отсутствіе настоящаго начальства, исполняющее должности на всѣхъ мѣстахъ, нехватокъ офицеровъ до такой степени, что мичмана командовали нѣсколькими ротами сразу, вотъ что явилось непосредственнымъ послѣдствіемъ несоблюденія основныхъ правилъ военного быта. Картина нашихъ экипажей всѣмъ слишкомъ хорошо знакома, чтобы стоило на этомъ подробно останавливаться. Никто не станетъ спорить, что дисциплина и порядокъ потеряли полное крушеніе, и что экипажи у насъ были и остаются источникомъ растлѣнія и разоренія личного состава, и все это не по винѣ отдѣльныхъ лицъ, а вслѣдствіе невозможной обстановки, въ которой они очутились. Корабли тоже сильно страдали отъ этой

двойственности службы. Они не признавались отдѣльными частями, ихъ личнымъ составомъ распоряжались извнѣ, они были всячески стѣснены въ свободѣ своихъ распоряженій, и если къ этому еще прибавить дѣйствующій способъ комплектованія унтеръ-офицерами и специалистами, путешествующее начало, развитое среди начальства вслѣдствіе морского ценза, то можно себя представить, почему и на судахъ о сплоченности личного состава не было и помину. Главное же бѣдствіе бывалъ конецъ кампаніи. Какъ только личный составъ съ судна попадалъ въ экипажъ, то корабль можно было считать уничтоженнымъ (разумѣется, личный составъ). Онъ немедленно расплывался, расхищался и разорялся, а новую кампанію приходилось начинать съ новой командой. На плавающихъ судахъ развилась прямо-таки боязнь экипажа. Старались держаться какъ можно дальше отъ него, и понятіе объ экипажѣ смѣшалось съ представленіемъ о берегѣ вообще. Стали настаивать, чтобы суда вообще оставались въ морѣ круглый годъ, а если это оказывалось невозможнымъ, чтобы команда во всякомъ случаѣ оставалась на кораблѣ, хотя бы среди льда и снѣга въ 20°-ый морозъ, но только бы не отправлялась въ экипажъ. Вотъ какъ насъ экипажи напугали! Однако, берегъ самъ по себѣ вовсе не такъ опасенъ. Для обученія и практики, конечно, желательно плавать какъ можно больше, но дисциплина и духъ въ части вовсе не страдаютъ, если и поселиться на берегу, лишь бы не мѣнять начальства и вообще состава части и признать за ней право самостоятельной жизни.

Съ этими разсужденіями я, впрочемъ, ломлюсь въ открытыя двери. Несуразность отношеній экипажей и кораблей уже всѣмъ признана, проектъ необходимыхъ перемѣнъ уже составленъ на разумныхъ началахъ и только ждетъ своего узаконенія. Надо пожелать ему скорѣйшаго осуществленія, потому что наши экипажи уже превратились въ нѣчто такое, чего больше терять нельзя. Они-то именно охраняются часовыми и, считаясь строевыми частями, только позорятъ нашу репутацію. Чѣмъ скорѣе мы прекратимъ ихъ существованіе, тѣмъ лучше. Они портятъ нравъ людей, проходящихъ черезъ нихъ на корабли, и вносятъ въ послѣдніе вредные элементы, а кромѣ того занимаютъ множество людей, необходимыхъ на другихъ мѣстахъ. Пора покончить съ ними. Мы теперь, надѣюсь, поняли, что главное—боевая единица, корабли и отряды, что остальное существуетъ только для нихъ и въ качествѣ органовъ вспомогательныхъ, что поэтому вся власть и вся инициатива должна находиться въ рукахъ мор-

скихъ начальниковъ какъ на нихъ лежитъ и вся отвѣтственность за состояніе личнаго состава.

Отсутствіе
связности.

При существующей обстановкѣ трудно даже подымать вопросъ о сплоченности и духѣ войсковыхъ частей и о ихъ воспитательномъ значеніи. Да гдѣ самыя эти части? Экипажи захирѣли и окончательно сгнили, кромѣ Гвардейскаго Экипажа, который одинъ остался отъ старыхъ временъ, а корабли до сихъ поръ не признаны, какъ самостоятельныя единицы. Они не имѣютъ никакихъ правъ въ опредѣленіи собственнаго личнаго состава, который назначается и переназначается по усмотрѣнію постороннихъ, и они естественно не несутъ никакой отвѣтственности за его поведение. Что отдѣльный человѣкъ совершилъ, за то онъ и отвѣчаетъ независимо отъ поступковъ товарищей. Всякій, кто мало-мальски знакомъ съ нашими нижними чинами, можетъ удостовѣрить въ ихъ головахъ совершенное отсутствіе сознанія, что военный человѣкъ отвѣтствененъ не только за себя лично, но и за свой мундиръ, за остальныхъ людей, одѣтыхъ въ одинаковую съ нимъ форму. Если при нашемъ матросѣ на кораблѣ произойдутъ безпорядки, или даже совершится преступленіе, и онъ лично не участвовалъ, то онъ считаетъ себя вполне правымъ. Это противорѣчитъ всѣмъ понятіямъ военного быта, но фактически другого отношенія и ожидать нельзя. Онъ своихъ товарищей почти не знаетъ. Какъ ему за нихъ ручаться? Свое непосредственное начальство постоянно мѣняется. Онъ и съ ними мало знакомъ. Онъ одинъ. Что онъ можетъ предпринять, если бы даже хотѣлъ? А корабль? Корабль такой же какъ всякій другой. Это только мѣсто его службы. Какая то невѣдомая посторонняя власть переноситъ его съ судна на судно, въ экипажъ и обратно, и вездѣ обстановка приблизительно одинаковая. Чего ему особенно именно за этотъ корабль стараться? А какой у него примѣръ? Начальство бываетъ разное, доброе и злое, и снисходительное и требовательное, и самовольное и справедливое, но все оно въ томъ же положеніи, какъ и онъ. Офицерство такъ же, какъ и матросъ, какой-то высшей силой помѣщается то на одно судно, то на другое. Зачѣмъ ему особенно привязаться къ этому? Качество и составъ сослуживцевъ тоже опредѣляется свыше. Онъ тутъ ничего передѣлать не можетъ. Если они хороши, тѣмъ лучше. Если плохи, то остается лишь держаться въ сторонѣ. Да и не только сами служащіе, но и высшее начальство не смотритъ на корабли, какъ на войсковую часть, отвѣтственную за свое поведение.

Примѣръ: когда первый баталіонъ Преображенскаго полка произвелъ безпорядокъ, то за это отвѣтило и пострадало все прямое начальство вплоть до корпуснаго командира, а самъ баталіонъ пошелъ въ ссылку—и правые и виноватые. Вотъ это по военному. Когда же во флотѣ происходили бунты, то къ экипажамъ и кораблямъ отнеслись какъ къ толпѣ мастеровыхъ. Виновныхъ карали, а не участвовавшихъ оправдывали. Сами же части и ихъ начальство оказались не причемъ. Я былъ ближайшимъ свидѣтелемъ какъ на крейсере „Память Азова“ команда въ числѣ 500 человѣкъ, допустивъ убійство командира, офицеровъ, захватъ судна кучкой революціонеровъ и спохватившись лишь черезъ сутки, что это безобразіе слѣдуетъ прекратить, была сильно обезпечена за свою дальнейшую судьбу. Люди при всемъ своемъ невѣжествѣ чувствовали, что они поступили не по правилу долга и что они заслужили порицанія. Но ихъ опасенія были напрасны. Ихъ напротивъ хвалили, называли ихъ молодцами изъ молодежь, и радовались что хоть эти то образумились. Самъ корабль тутъ игралъ, лишь роль помѣщенія. А начальство? Да командиръ былъ убитъ, начальникъ отряда тяжело раненъ, а дальше уже идутъ канцеляріи... Кто тамъ можетъ отвѣтить за поведение крейсера? Конечно, по справедливости иначе и разсуждать нельзя. Но это только доказываетъ въ какомъ видѣ нашъ строй, что къ нему нельзя даже примѣнять военного масштаба.

Поэтому очень важно, если мы теперь, наконецъ, рѣшимся признать наши боевыя единицы за отдѣльныя части, не дѣлать дѣла на половину, а поставить ихъ дѣйствительно на собственные ноги, чтобы отъ нихъ можно было требовать серьезнаго отвѣта. Для этого надо первымъ долгомъ отдѣлить корабль отъ корабля, отрядъ отъ отряда, прекратить возможность постоянной перекочевки и закрѣпить личный составъ на нихъ, чтобы они могли пріобрѣтать индивидуальность и опредѣленный характеръ. Я бы даже предложилъ для болѣе отчетливаго раздѣленія дать каждому кораблю, каждому отряду мелкихъ судовъ свою отдѣльную форму какъ сухопутнымъ полкамъ. Пусть знаютъ какого они цвѣта.

Затѣмъ надо сдѣлать ихъ хозяевами своего личнаго состава. Никто не долженъ находиться на кораблѣ, за котораго остальные не могутъ или не хотятъ отвѣчать. Не только командиръ долженъ безусловно пользоваться правомъ держать у себя только тѣхъ кого онъ желаетъ, но и общество офицеровъ и даже команда

Необходимы
реформы.

должна иметь голосъ при выборѣ своихъ товарищей. Надо создать правила для поступленія офицеровъ на корабль. Нельзя назначать никого безъ предварительнаго согласія каютъ-компаніи. И теперь офицеры имѣютъ право исключить неподходящій элементъ изъ своей среды. Но это совсѣмъ не то, о чемъ я здѣсь говорю. Судь общества офицеровъ имѣетъ дѣло съ проступками и не можетъ дѣйствовать безъ всякаго повода. Офицеръ, подвергшійся его приговору, этимъ заклейменъ и вообще не можетъ продолжать службу. Желаніе-же или нежеланіе каютъ-компаніи имѣть его своимъ членомъ не должно отзываться на его репутаціи. Тутъ не разбирается вопросъ достоинъ ли онъ, а подходит ли онъ. Отказъ не долженъ носить характеръ обиды и каютъ-компанія должна знать это, чтобы дѣйствительно не стѣсняться въ выраженіи своего мнѣнія. Разъ общество офицеровъ открыто согласилось на пріемъ новаго члена въ свою среду, то потомъ оно отъ него не можетъ отказаться и должно отвѣчать за его поведеніе. Въ противномъ случаѣ всегда могутъ быть отговорки. Что касается команды и особенно унтеръ-офицеровъ, то, конечно, физически невозможно спрашивать ихъ согласія при назначеніи новыхъ людей, но слѣдовало бы и для нихъ создать возможность заявить о слишкомъ уже неудобныхъ элементахъ съ объясненіемъ причинъ. Такія заявленія должны обязательно быть уважены. Наконецъ, надо тщательно охранять корабли отъ возможности посторонняго вмѣшательства помимо ихъ хозяина-командира, а затѣмъ требовать строгаго отвѣта отъ всей части за поведеніе каждаго ихъ члена. Это главное. Обставивъ и устроивъ корабль, давъ ему возможность руководить всѣми своими членами, надо начать давить извнѣ, требовать и понемногу повышать требованія. Нравственный уровень нашего офицерства и особенно унтеръ-офицерства вовсе не на должной высотѣ. Необходимо постепенно, но очень значительно поднять престижъ мундира въ глазахъ носящихъ его. Это возможно лишь при болѣе строгомъ отношеніи къ своимъ правамъ самой среды служащихъ, а достигнется только неуклоннымъ требованіемъ свыше отъ вполне ответственного общества офицеровъ. Главную тутъ роль играютъ командиры и къ нимъ къ первымъ должны примѣняться особенно строгія требованія. Если они будутъ долго на мѣстахъ и будутъ полными хозяевами своей части, то нѣтъ сомнѣнія, что результатъ получится вполне удовлетворительный. Тrequoванія строгія, но справедливыя, будутъ всегда исполняться охотно. Людей, способныхъ быть хорошими командирами и составлять прекрасныя

каютъ-компаніи, болѣе чѣмъ достаточно, особенно теперь послѣ войны. Они мало привыкли къ настоящему порядку, но если поставить ихъ въ надлежащія рамки, дать имъ свободу дѣйствія, и требовать соответственныхъ результатовъ, то очень скоро все войдетъ въ свою колею.

Но все это надо сдѣлать и сдѣлать немедленно, потому что настоящее положеніе не безопасно. Время смутное. Поддонки человечества подняли голову, враги всякаго порядка и всѣхъ человѣческихъ идеаловъ обращаютъ особенно благосклонное вниманіе на войска и стараются ихъ распропагандировать. Они поощряютъ всѣ ихъ низменные инстинкты, животныя страсти, зависть и злобу. Надо же создать нравственный противовѣсъ, а то какъ имъ устоять. Въ деревнѣ у нашего простолюдина есть семья, есть имущество и занятіе, удерживающія его отъ крайнихъ увлеченій, а поступивъ на службу онъ всего этого лишается. Обстановка для него непривычная и угнетающая, начальство чуждое и страшное, занятіе скучное, увлеченій никакихъ. Что его сохранить отъ соблазна? Строгости и репрессивныя мѣры только еще омрачатъ и безъ того сѣрое существованіе, породятъ злобу и увеличатъ отчужденіе. Никакія лекціи или правоученія, ни театральныя представленія и увеселенія (какъ многіе совѣтуютъ) тутъ не помогутъ. Человѣку надо не то; ему необходима привязанность, нравственная опора, замѣняющая ему семью и родныхъ. Ему нужны не развлеченія, а увлеченія, придающія его жизни блескъ и радостное настроеніе. А все это можетъ дать лишь сплоченная, дружная, самолюбивая военная среда. Вновь прибывшій въ такую часть получить впечатленіе, что онъ не пришелъ отбывать тяжелый долгъ, а что онъ удостоился чести понасть въ такое избранное общество. Онъ изъ всѣхъ разговоровъ, изъ всякаго слова и жеста пойметъ, что корабль, на которомъ онъ находится, не какойнибудь, а что ему равнаго поискать надо. Онъ смекнетъ какъ ему посчастливилось, что онъ именно здѣсь. Онъ увидитъ, что къ нему присматриваются, что его всѣчески ставятъ и учатъ не только официально, но и по дружбѣ какъ ему поступать и какъ себя вести, чтобы какънибудь не осрамить своихъ товарищей, не уронить своего новаго достоинства. Онъ сразу почувствуетъ возложенную на него ответственность и оказанное довѣріе, и это польститъ его самолюбію. Онъ, видя такое вниманіе, постарается поправиться и увлечется и очень скоро окажется самъ глубоко убѣжденнымъ въ исключительныхъ достоинствахъ своего корабля, своей команды, и искренно къ нимъ

приваженъ, да онъ возмутится если кто-нибудь посмѣетъ относиться къ нимъ съ недостаточнымъ уваженіемъ. Но для этого требуется чисто корпоративное настроеніе въ части, особая атмосфера военного самолюбія, которая, конечно, много зависитъ отъ умѣнія начальствующихъ лицъ, но и независимо отъ нихъ развивается изъ естественныхъ качествъ человѣческой природы, поставленной организаціей въ подходящія условія.

Но, увы, какъ мы еще далеки отъ этого! Мало у насъ кораблей, гдѣ существуетъ подобное настроеніе. Большая масса нижнихъ чиновъ еще совсѣмъ вѣи нашего вліянія и кто знаетъ, что они тамъ думаютъ и замышляютъ. А мы все медлимъ, все не можемъ даже рѣшиться положить основаніе будущимъ строевымъ кораблямъ. Мы никакъ не можемъ собрать и узаконить ихъ разъ навсегда. Все офицеровъ не хватаетъ, все ихъ переводятъ съ мѣста на мѣсто, чтобы затыкать дыры, временно замѣщать ваканціи. Но кто же намъ велитъ дѣлать видъ, что у насъ больше чѣмъ на самомъ дѣлѣ имѣется? На какомъ основаніи мы разоряемъ одинъ корабль, чтобы сдѣлать бутафорскихъ два? Чего нѣтъ, того нѣтъ. Надо упорядочить то, что есть, а потомъ увидимъ, чего не хватаетъ. Тогда можно будетъ принять мѣры. Впрочемъ, если мы уничтожимъ всѣ ненужные экипажи и лишнія канцеляріи то наврядъ ли будетъ недостатокъ офицеровъ на корабляхъ. Унтеръ-офицеровъ дѣйствительно нѣтъ, но объ этомъ разговоръ будетъ особо.

Послѣ тщетныхъ поисковъ за признаками сплоченности и корпоративнаго духа въ нашемъ обиходѣ, обратимся къ дисциплинѣ. Тутъ первымъ неизбежнымъ условіемъ для ея осуществленія упоминалось единство власти. Насколько этотъ принципъ проведенъ въ нашей организаціи? Оказывается, что онъ примѣняется собственно говоря только на корабляхъ и эскадрахъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ власть или раздѣлена между двумя или нѣсколькими начальниками или передана въ руки коллегіальныхъ учреждений. Очевидно, единство власти одинаково нарушено, если два или три самостоятельныхъ лица имѣютъ возможность распоряжаться одними и тѣми же подчиненными, или если власть находится въ рукахъ одного учрежденія, состоящаго изъ нѣсколькихъ лицъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствуетъ воля не одного человѣка, а нѣсколькихъ. Первое явленіе зависитъ отъ путаницы вѣдѣній отсутствія прямыхъ строевыхъ начальниковъ выше начальника эскадры или отряда, и къ этому вопросу мы

ЕДИНСТВО
ВЛАСТИ.

еще вернемся. Пока поговоримъ лишь о нашей любви къ коллегіальному рѣшенію всякихъ дѣлъ.

Обратимъ сперва вниманіе на характерныя особенности всякаго коллегіальнаго органа. Человѣческая дѣятельность определяется двумя факторами, волей и умомъ. Движущая сила есть воля, а умъ служитъ лишь средствомъ для ея ориентировки. Сила воли есть качество, присущее характеру, и направленіе ея зависитъ отъ индивидуальной природы человѣка, умъ же его при всемъ разнообразіи встречаемыхъ качествъ имѣетъ одно лишь общее назначеніе разобраться въ обстановкѣ и освѣтить путь для воли. Онъ можетъ содѣйствовать ея осуществленію, онъ можетъ ставить ей препятствія, но онъ не можетъ ни прибавить, ни убавить ей напряженія. Соотношеніемъ между волей и умомъ устанавливается степень энергіи и послѣдовательности дѣйствій. Сильная воля заставляетъ умъ служить своимъ цѣлямъ, всячески отыскивать путь наименьшаго сопротивленія, слабая же воля отступаетъ при первомъ открытомъ умомъ препятствіи, сворачиваетъ въ другую сторону, гдѣ ее постигаетъ та же участь. Поэтому мы такъ часто видимъ очень способныхъ, но безхарактерныхъ людей, существованіе которыхъ проходитъ безслѣдно, въ то время какъ другіе, много менѣе одаренные умомъ, но съ сильной волей, имѣютъ огромное вліяніе на современные событія. Если съ этой точки зрѣнія разсмотримъ совмѣстную дѣятельность людей, то ясно, почему „умъ хорошъ, а два лучше“, совершенно такъ же, какъ одна свѣча освѣщаетъ комнату, а двѣ лучше. Совсѣмъ другое надо сказать про совмѣстное дѣйствіе двухъ волей. Само понятіе о волѣ несетъ въ себѣ представленіе определеннаго направленія и совершенно аналогично понятію о силѣ въ механикѣ. Двѣ воли будутъ содѣйствовать другъ другу лишь въ такомъ случаѣ, если ихъ направленіе точно совпадаетъ, но это будетъ крайне рѣдко и большая случайность. Направленіе воли каждаго отдѣльнаго лица зависитъ не отъ общей для всѣхъ обстановки и не отъ заданной общей задачи, а отъ качествъ, присущихъ каждому характеру отъ рожденія. Поэтому совмѣстное дѣйствіе нѣсколькихъ волей всегда дастъ нѣкоторую равнодѣйствующую совершенно случайную и впередъ неопредѣленную. Величина ея всегда будетъ значительно меньше суммы величинъ ея составляющихъ, обыкновенно гораздо меньше каждой отдѣльной воли, а иногда равна нулю или даже отрицательная. Итакъ, коллегіальная дѣятельность отличается отъ таковой отдѣльнаго человѣка увели-

Коллегіальное начало.

ченієм знанія и ослабленієм воли. Напряженіе воли совмѣстной дѣятельности людей только въ такомъ случаѣ не потерпитъ урона, если воля одного изъ участниковъ настолько доминируетъ надъ остальными, что равнодѣйствующая будетъ почти равна этой одной. Но тогда коллегіальная дѣятельность сводится къ работѣ одного человѣка. Остальные играютъ лишь роль его помощниковъ. Кроме того надо замѣтить, что и умъ каждаго лица направляется волей, такъ что и совмѣстная работа мысли можетъ быть плодотворна только тамъ, гдѣ воля не играетъ никакой роли. Иначе и умственная работа взаимно сократится.

Всякое коллегіальное учрежденіе аналогично человѣку съ обширнымъ умомъ, большими способностями, великими знаніями, по совершенно безхарактерному, крайне нерѣшительному, постоянно колеблющемуся, неспособному двинуть впередъ не только дѣло, но даже мысль, а зато постоянно увлекающемуся то въ ту, то въ другую сторону и тутъ же останавливающемуся на полпути. Поэтому коллегіальные органы вездѣ хороши, гдѣ не требуется проявленія воли, при разборѣ дѣлъ и событій, на примѣръ въ судѣ и при составленіи исторій, или если требуется удерживать и тормозить слишкомъ уже стремительное увлеченіе; но они нигде не годятся, какъ только требуется работа созидательная, рѣшенія принципиальныхъ вопросовъ, и тѣмъ паче гдѣ надо дѣйствовать. Они очень способны критиковать, препятствовать и разрушать, но отнюдь не созидать, двигать или рѣшать.

Комиссія.

Какъ часто приходится въ этомъ убѣждаться. Какіе удивительные результаты иногда получаютъ въ комиссіяхъ! Собираются люди всѣ знакомые. Я про всякаго изъ нихъ знаю, что онъ образованный человѣкъ, разумный и съ совершенно яснымъ сознаніемъ цѣли предстоящей работы. Предположено выработать проектъ или рѣшить какой-либо вопросъ техники или организаціи. Сначала у всякаго въ головѣ ясный планъ и определенное мнѣніе. Начинаютъ обсуждать, мнѣнія сталкиваются, другъ другу уступаютъ, и получается результатъ совѣсьмъ неожиданный. Рѣшеніе комиссіи въ концѣ концовъ такое неопределенное, съ массой внутреннихъ противорѣчій, такой жалкой компромиссъ самыхъ разнообразныхъ направленій, что, правда, каждый въ отдѣльности рѣшилъ бы гораздо толковѣе. Это ни рыба, ни мясо, ни да, ни нѣтъ, рѣшеніе безъ руководящей нити, даже безъ логики и послѣдовательности; и это всегда такъ. Другихъ рѣшеній и въ комиссіяхъ не видалъ. Они всегда такіа какъ только приходится на

что нибудь рѣшиться. Другое дѣло, когда надо раскритиковать. Тутъ съ каждымъ новымъ засѣданіемъ являются новыя точки зрѣнія, дѣлаются открытія, съ каждымъ новымъ мнѣніемъ пополняется картина. Одинъ человѣкъ, даже гениальный, никогда не освѣтилъ бы вопроса въ такой полной мѣрѣ.

Какую же роль играютъ въ нашемъ флотѣ коллегіальныя учрежденія? Во-первыхъ, у насъ высшая власть поручена такому, а именно Адмиралтействъ-Совету. Онъ служитъ тормазомъ для Морского Министра и лежитъ свинцовой гирей на каждомъ его движеніи. Зачѣмъ собственно Главному Начальнику флота такое прештество? Или ему не довѣряютъ? Вотъ если бы Адмиралтействъ-Советъ состоялъ при немъ въ видѣ совѣщательнаго органа, къ мнѣнію котораго онъ могъ бы прибѣгать или нѣтъ по своему усмотрѣнію, если бы рѣшеніе вопроса и вся отвѣтственность за послѣдствія остались бы на немъ, тогда можно было бы сказать, что единство власти сохранено. Но такъ какъ рѣшающей голосъ за Адмиралтействъ-Советомъ, слѣдовательно, онъ фактически управляетъ Морскимъ Вѣдомствомъ. Неудивительно, если весь характеръ дѣятельности этого послѣдняго окрашенъ специфическимъ оттѣнкомъ коллегіальной работы. Нерѣшительность, полумѣры, желаніе приспособиться, не нарушать и помирить самые противоположные интересы, увлеченіе мелочами,— вотъ характерныя черты нашей администраціи, заставляющія нашъ флотъ вотъ уже десятки лѣтъ топтаться все на одномъ мѣстѣ, вертѣться все въ томъ же заколдованномъ кругу, наполненномъ общезвѣстными и вопиющими недостатками и недочетами, безпомощно и безъ энергіи выбраться на какой-нибудь определенный путь. И все это не по винѣ того или другого лица, а вследствие неизбежнаго вліянія коллегіальнаго начала. Если бы вручить полную власть любому одному члену того-же Адмиралтействъ-Совета, то мы бы давно были реформированы, возрождены и на пути къ какой-либо определенной цѣли. Нашъ прогрессъ могъ бы быть болѣе или менѣе удаченъ, смотря по выбору лица, но наше состояніе было бы во всякомъ случаѣ лучше настоящаго застоя. Хотя самыя наглядныя и весьма признанныя извы были бы устранены.

По примѣру самаго верха и остальное не можетъ обходиться безъ коллегіальной работы. Всякая задуманная реформа, всѣ важныя и неважныя вопросы организаціи, обученія, вооруженія,

Адмиралтействъ-Советъ.

Выработка проектовъ Комиссіями.

хозяйства и техники поручаются первым деломъ обработкѣ комиссiи. И тамъ они получаютъ свою специфическую окраску. „Съ одной стороны желательно, а съ другой стороны нельзя отрицать“, и вотъ ставится масса заплатъ на старые мѣхи, и они опять начинаютъ рваться.

Если бы вмѣсто комиссiи собрать тѣхъ же людей, что тамъ сидятъ, но поручить дѣло не всѣмъ, а одному изъ нихъ, возлагая всю отвѣтственность за результатъ на него, остальныхъ же назначить ему помощниками, то уже получится болѣе цѣльное и опредѣленное направленiе. Конечно, и такой способъ страдаетъ огромнымъ недостаткомъ, что изобрѣтатель проекта не будетъ осуществлять его на дѣлѣ.

Хозяйство и
техника.

Еще хуже обстоитъ вопросъ во всѣхъ функціяхъ хозяйства и техники. Тамъ уже коллегiальное управленiе вошло въ правило. Нѣтъ ни одной отрасли этой дѣятельности въ рукахъ опредѣленнаго лица. У насъ нѣтъ главнаго строителя флота, а есть Главное Управление Кораблестроенiя, нѣтъ главныхъ техниковъ, а есть Технической Комитетъ, нѣтъ интенданта, а есть Отдѣлъ Заготовленiя. Слово анонимы, нѣтъ ни одной фамиліи. Я прекрасно знаю, кто строилъ и кто строитъ англійскіе корабли, а кто построилъ наши собственные, этого никакъ не узнать. Не только каждое учрежденiе само по себѣ коллегiальное, но даже такіе дѣйствiя какъ постройка корабля или снабженiе флота, не исполняются какимъ-нибудь однимъ изъ нихъ, а всѣми этими комитетами, управленiями и иногда еще вдобавокъ назначенными комиссiями сообща. Это какая то коллегiальная коллегiальность. Какъ тутъ разобратся, кто авторъ чего? Это какой то сфинксъ съ загадками. И дѣйствительно же загадки наши корабли. Вотъ уже гдѣ неопредѣленность воли, колебаніе мнѣній, случайное столкновенiе интересовъ доведено до совершенства. Почему у насъ такая масса типовъ судовъ; изъ нихъ нѣтъ ни къ какой цѣли не приспособлены, плодъ простого недоразумѣнiя? Почему корабль начинаетъ строиться по одному чертежу, а кончается по другому? Онъ все время усовершенствуется, все время все мѣняется и передѣлывается, пока онъ чуть не тонетъ отъ массы усовершенствованiй. Почему на нашихъ корабляхъ все другъ другу мѣшается? Почему приходится каждую вещь переставлять по три раза, пока она найдетъ себѣ мѣсто? Отчего въ одной и той же палубѣ, въ одномъ и томъ же отдѣленiи въ серединѣ дыра, черезъ которую проходитъ 12^я башня съ 2-хъ фу-

товымъ просвѣтомъ, а рядомъ люкъ туго задранивается водонепроницаемой крышкой на резинѣ? Отчего у нашего строителя правая рука не вѣдаетъ, что творить лѣвая? Оттого, что у насъ нѣтъ строителя. Человѣкъ, который такъ называется, есть безгласный исполнитель самыхъ противорѣчивыхъ и неопредѣленныхъ распоряженiй. Наши корабли—явленiя стихійныя. Ихъ строить толпа.

Если мы пожелаемъ узнать, почему извѣстная вещь сдѣлана такъ, а не такъ, отчего появился такой типъ корабля, пушки или прицѣла, а не другой, то этого намъ никто не скажетъ. Такого человѣка нѣтъ. Для разрѣшенiя задачи надо предпринять огромный трудъ. Надо по бумагамъ и дѣламъ прослѣдить ходъ этого вопроса по разнообразнымъ учрежденiямъ и комиссiямъ, какъ онъ подвергался разработкѣ, докладамъ, разсмотрѣнiямъ, переработкѣ, пересмотру и перерѣшенiямъ при самыхъ разнообразныхъ группировкахъ лицъ, характеровъ и умовъ. Тогда скорѣе психологъ, нежели администраторъ, доищется, почему такая-то комбинація людей въ данный моментъ дала въ результатѣ такое-то рѣшенiе задачи; но онъ тутъ же и пойметъ, что на другой же день при самой незначительной перемѣнѣ въ составѣ безчисленныхъ участниковъ, равнодѣйствующая могла перемѣнить знакъ, и получился бы результатъ, какъ разъ противоположный. При такой обстановкѣ неудивительно, что всякое постороннее вліяніе играетъ огромную роль. Недавно одинъ изъ командировъ просилъ разрѣшенiя прорѣзать шпигаты въ броневомъ борту. Никакъ не хотѣли согласиться. Тогда онъ досталъ фотографію Дреднаута и показалъ, что тамъ есть отверстiя въ борту. Разрѣшили. Вообще, иногда замѣчается слѣпое подражанiе иностранцамъ. Это естественно. Гдѣ все неопредѣленность, все колеблется, малѣйшій толчекъ извнѣ рѣшаетъ направленiе. И такъ не только въ кораблестроенiи. Такъ во всемъ нашемъ хозяйствѣ. Нѣтъ, пока у насъ не поручатъ всѣ эти дѣла поименнымъ людямъ, до тѣхъ поръ у насъ не будетъ ни кораблей, ни вооруженiя, ни снабженiя. Отчего бы хоти въ видѣ опыта (излюбленное выраженiе нашей нерѣшительности) не отдать постройку одного корабля единичному лицу безъ посторонней помощи, ни комитетовъ, ни управленiй. Кончится тѣмъ, что онъ получитъ благодарственный адресъ отъ плавающихъ затѣмъ на этомъ суднѣ. У насъ много очень способныхъ, прекрасно образованныхъ, опытныхъ и находчивыхъ техниковъ, но нельзя же всѣмъ вдругъ начальствовать.

Еще большее значеніе получаетъ вопросъ о коллегіальной работѣ, если его рассмотреть съ точки зрѣнія отвѣтственности за результатъ. Уже не говоря про то, что потребовать отвѣта передъ закономъ и судомъ отъ коллегіального учрежденія почти невозможно. Нельзя привлечь отвлеченную величину, какъ комитетъ или комиссію, если люди, изъ которыхъ она состоитъ, не могутъ быть обвиняемы каждый въ отдѣльности; а послѣднее почти никогда неосуществимо. Но и нравственная отвѣтственность не находитъ себѣ примѣненія, гдѣ дѣло совершено собраніемъ многихъ лицъ. Оцѣнка дѣятельности коллегіального органа очень мало отзывается на репутаціи его членовъ. Каждый имѣетъ возможность приписать неудачу другимъ лицамъ, ихъ пререканіямъ и прочимъ причинамъ. Упраздненіе комиссіи за бесполезностью наврядъ-ли произведетъ такое же впечатлѣніе, какъ напримѣръ увольненіе известнаго лица за неспособность. Поэтому мы и видимъ, что коллегіальные органы бываютъ чрезвычайно мало чувствительны къ своей репутаціи и почти не реагируютъ на какія угодно нападки. Самолюбіе отдѣльных людей ими почти не затрагивается, а корпоративнаго самолюбія никакъ нельзя ожидать отъ собранія, состоящаго изъ разнообразныхъ элементовъ и объединеннаго лишь на время. Такимъ образомъ коллегіальныя учрежденія оказываются фактически безотвѣтственными и передъ закономъ и передъ обществомъ. Съ другой стороны, авторитетъ такого собранія, совершенно не соответствуетъ его безотвѣтственности. Совокупность большого количества вѣскихъ и вѣсми признанныхъ мнѣній производитъ ложное впечатлѣніе огромной компетентности и можетъ совершенно прикрыть всякую личную отвѣтственность, разъ только дѣло передано на ея обсужденіе. Поэтому мы видимъ, что у насъ совѣты и комиссіи служатъ какимъ то громоотводомъ всякой отвѣтственности. Приходится постоянно слышать такого рода разсужденія: „Нѣтъ это я на себя не возьму. Надо назначить комиссію“. Какъ будто бы кто бы то ни было изъ насъ имѣетъ право отказываться отвѣчать за дѣло, входящее въ кругъ обязанностей занимаемой имъ должности. Между тѣмъ это постоянно практикуется не только въ высшихъ сферахъ, въ нашей администраціи и въ хозяйствѣ, но даже въ строю. У насъ существуетъ какой-то повальный страхъ передъ послѣдствіями собственныхъ дѣйствій, свидѣтельствующій о плохомъ военномъ воспитаніи и питаемый возможностью спрятаться за комиссію почти во всѣхъ вопросахъ нашего обихода. Уклоненіе отъ отвѣтственности превратилось въ

общую привычку, и у большинства даже исчезло сознаніе, что это дурно. Находить совершенно естественнымъ не брать на себя то, что можно свалить на другихъ, не взирая на происходящія отъ этого замедленія и независимо отъ послѣдствій. Приучилъ насъ къ этому способу хозяйственный уставъ, не доверяющій никому, кромѣ комиссій, и требующій ея актовъ и свидѣтельствъ на каждомъ шагѣ, какъ оправдательный документъ. Тутъ очень скоро перешли къ введенію такихъ же оправдательныхъ документовъ во всѣ остальные отрасли нашей жизни, вплоть до организаціи обученія и строевой службѣ на кораблѣ. Результатомъ такого злоупотребленія комиссіями для созидательной работы является не только присущая всѣмъ коллегіальнымъ учрежденіямъ неопредѣленность руководящей мысли и неустойчивость направленія, но еще и крайне вредная привычка уклоненія отъ отвѣтственности, деморализующая личный составъ. Онъ уже съ юныхъ лѣтъ приучается смотрѣть на власть, какъ на право распоряжаться, избѣгая послѣдствій, а не какъ на почетное бремя, возложенное на самыхъ работоспособныхъ. Офицеры въ продолженіе своей карьеры слишкомъ рѣдко встрѣчаютъ образцы твердой воли, не опирающейся на окружающихъ, а руководящей и направляющей подчиненныхъ въ качествѣ полнаго хозяина положенія и съ единственной цѣлью добиться опредѣленнаго результата. Наоборотъ, сплошь да рядомъ личность начальниковъ ступшевывается ихъ собственнымъ нежеланіемъ выступить впередъ изъ боязни послѣдствій и выдвиганіемъ вмѣсто своей воли рѣшенія анонимныхъ органовъ. Вслѣдствіе этого у насъ такія отношенія уже никого не удивляютъ, скажу болѣе, ихъ не замѣчаютъ, они кажутся нормальными, и всѣ дѣйствуютъ по этому образцу. Никто не видитъ, какъ отъ этого страдаетъ престижъ власти, и какъ въ сущности при такихъ взглядахъ войско остается безъ начальниковъ, такъ какъ люди безъ собственной опредѣленной воли не могутъ считаться таковыми.

Еще хотѣлъ бы обратить вниманіе на одну сторону этого явленія, а именно: безотвѣтственность порождаетъ чрезмѣрную централизацію власти. Если пропорционально правамъ возрастаютъ и требованія, то власть выразится работой, и сосредоточеніе ея въ одномъ лицѣ или въ одномъ учрежденіи равносильно сваливанію на нихъ на однихъ всей послѣдней. Они сами откажутся отъ избытка такого почета и постараются распределить власть соответственно раздѣленію труда. Если же имѣется возможность набрать

власти, не исполняя ее работы, то она очень легко накопится въ одной точкѣ, гдѣ неостанетъ силъ для выполненія всѣхъ ее функций, и большая ее часть останется бездѣйствовать. Если начальникъ сохранить за собою права, принадлежащія по существу подчиненному, то онъ беретъ на себя и его трудъ. Если онъ сохранить за собою права всѣхъ подчиненныхъ, то онъ наберетъ столько работы, что немисливо будетъ ее исполнить, а такъ какъ мелкія обязанности подчиненныхъ обыкновенно болѣе безотлагательны, то онъ сдѣлаетъ только часть ихъ работы, свою же собственную оставитъ невыполненной. Но это можетъ произойти лишь въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ возможность такъ или иначе избавиться себя отъ послѣдствій такого упущенія, иначе онъ будетъ принужденъ приняться за собственное дѣло и передать болѣе мелкія заботы вмѣстѣ съ необходимой властью и довѣріемъ по принадлежности. У насъ возможность спрятать концы въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ и есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ чрезмѣрной централизаціи. Какія только мелочи не вваливаются на высшія власти? Мы, на примѣръ, читаемъ въ приказахъ, что «Адмиралтействъ-Советъ утвердилъ образецъ канкана для крысъ». Даже неловко читать. Неужели наши почтенные адмиралы должны заниматься крысоловками? Неужели во флотѣ нѣтъ кромѣ нихъ лица съ достаточной компетентностью? Мы знаемъ, что Адмиралтействъ-Советъ обязанъ утверждать образцы матеріальной части. Но почему учрежденіе, обладающее фактически высшей властью въ Морскомъ Вѣдомствѣ, подчиняется такимъ требованіямъ? Отъ него зависить поднять этотъ вопросъ, протестовать противъ заваливанія мелочами и добиться отмѣны такого положенія. Если бы Адмиралтействъ-Совету пришлось энергично взяться за самыя важныя и неотложныя дѣла по приведенію флота въ порядокъ, то у него не осталось бы ни одной минуты для мелочей. Онъ бы непременно передалъ ихъ кому слѣдуетъ. Но вѣдь онъ не несетъ отвѣтственности. Его никто не думалъ и не предполагалъ привлечь къ отвѣту ни за Цусиму, ни за бунты, ни за могущее случиться въ будущемъ. Поэтому состояніе флота его не тревожитъ, и онъ находитъ время заниматься крысоловками. А флотъ все въ томъ же состояніи. Защитники централизаціи постоянно приводятъ аргументъ, что высшая власть должна, по возможности, руководить всѣмъ, до мелочей включительно, для достиженія однообразія. Но во-первыхъ, на что это абсолютное однообразіе собственно можетъ потребоваться? Во-вторыхъ, мы видимъ—что на дѣлѣ выходитъ: однообразныя крысоловки и разнотипныя броненосцы. Въ эскадрѣ всѣ кофей-

ники точно одинаковы, а ходъ судовъ разнится на 4 узла. Единство власти и централизація ничего общаго не имѣютъ. Первая—есть принципъ, проведенный съ самаго верха до самаго низа, основанный на сосредоточеніи воли и на раздѣленіи труда, а централизація есть сосредоточеніе работы наверху и ослабленіе воли вслѣдствіе невозможности овладеть съ матеріаломъ. При равновѣсіи права и долга накопленіе власти и обязанностей въ одномъ мѣстѣ немисливо. Существованіе чрезмѣрной централизаціи есть признакъ неправильнаго распредѣленія власти и отвѣтственности въ организмѣ Морского Вѣдомства. Это симптомъ болѣзненнаго состоянія, происходящаго отъ ослабленія отвѣтственности, вслѣдствіе злоупотребленія коллегіальнымъ началомъ. Последнее у насъ не только принимается по закону во многихъ случаяхъ, гдѣ оно не можетъ отвѣчать потребностямъ, но къ нему стараются прибѣгать при малѣйшей возможности и тамъ, гдѣ по закону существуетъ единство власти. У насъ развилась общая склонность къ коллегіальному образу дѣйствія, а это явленіе—основанное на недостаткѣ воли. И какъ болѣзнь ослабляетъ организмъ, а этотъ послѣдній въ ослабленномъ состояніи легче поддается недугу и облегчаетъ его прогрессъ, такъ и въ данномъ случаѣ: неудовлетворительное воспитаніе во флотѣ породило ослабленіе воли и отстраненіе отвѣтственности, послѣднее выдвинуло коллегіальное начало, это въ свою очередь породило бездѣятельность, отъ бездѣятельности произошли неудачи, неудачи породили недовѣріе, а недовѣріе есть цитадель коллегіальнаго начала. Недовѣріе къ самому себѣ и къ другимъ вотъ собственно основная нота всѣхъ упомянутыхъ явленій. Это недовѣріе, какъ смертельный ядъ, отравляетъ всѣ функции нашей организаціи, оно забралось въ умы и сердца большинства нашего личнаго состава, оно вызываетъ безчисленныя явленія слабости и немощи организма, которыми оно же поддерживается. Оно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливается и болѣе и болѣе разрушаетъ зараженную имъ область. Оно преимущественно поражаетъ волю. Укрѣпленіе послѣдней должно быть нашей главной заботой, а тутъ на первомъ планѣ выступаетъ необходимость возстановленія единства власти, начиная съ самаго верха по всѣмъ развѣтвленіямъ организаціи до самаго низа.

Итакъ, разсмотрѣвъ состояніе нашего флота съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, что единства власти не только не существуетъ, но что мы уже проявляемъ признаки глубокаго страданія, вслѣдствіе его отсутствія, и что для насъ его возстановленіе является не вопросомъ отвлеченной теоріи или возможнаго улучшенія, но вопросомъ спасенія отъ грозящаго намъ паралича.

Въ тѣсной связи съ предыдущимъ находится другой вопросъ, разобранный во второй главѣ этой статьи, относительно необходимости сохранить всю власть въ рукахъ строевыхъ начальниковъ безъ посторонняго вмѣшательства. Воля начальника должна осуществляться по прямой линіи исполнителей военной іерархіи безъ промедленія, безъ тренія, безъ отягченія. Она переходитъ отъ одного строевого начальника къ слѣдующему безъ всякихъ окольных путей. Отличительный же признакъ строевого начальника тотъ, что онъ самъ исполняетъ волю высшей власти данными ему боевыми средствами и отвѣчаетъ за результатъ ихъ дѣйствій. Присматриваясь съ этой точки зрѣнія къ нашей военной іерархіи, мы увидимъ, что наши корабли, отряды и эскадры—дѣйствительно подъ командой строевыхъ чиновъ. Но въ промежуткахъ между начальникомъ отряда или эскадры и верховной властью наши повелѣнія за строевыми начальниками окажутся тщетными. Кто же могъ бы считаться таковымъ: Командиры портовъ и Главные Командиры? Очевидно нѣтъ, ибо боевыя силы вовсе не находятся въ полномъ ихъ распоряженіи и они не могутъ отвѣчать за исходъ ихъ дѣятельности. Главный Морской Штабъ хотя и распоряжается личнымъ составомъ и боевыми силами флота, но онъ ихъ только распределяетъ и организуетъ, но не руководитъ непосредственными ихъ дѣйствіями, и потому также не можетъ отвѣчать за результатъ таковыхъ, иначе Начальникъ Главнаго Морского Штаба давно уже подвергся бы судебному преслѣдованію за катастрофы войны и за дикіе бунты во всѣхъ трехъ моряхъ. Наконецъ, Министръ, онъ же главный начальникъ флота, также занимаетъ строевую должность только номинально. На самомъ дѣлѣ онъ не имѣетъ въ непосредственномъ своемъ распоряженіи боевыя силы флота. Связь съ ними прервана, за неимѣніемъ промежуточныхъ строевыхъ инстанцій, и фактически, въ концѣ концовъ, и онъ не можетъ отвѣчать за поведеніе строя. Такимъ образомъ мы видимъ, что высшаго строевого начальства въ нашемъ флотѣ просто не существуетъ, и о сохраненіи полной власти въ его рукахъ—разговора быть не можетъ. Мѣсто его занимаютъ должности административныя, имѣющія въ своемъ распоряженіи для активныхъ дѣйствій лишь одиѣ канцеляріи. Итакъ, исполнителями воли начальниковъ являются—не боевыя части, а канцеляріи, строй же остался въ сторонѣ и, въ силу существующихъ законовъ, подчиненъ канцеляріямъ, и не одной какой-либо, но многимъ сразу. Я долженъ наставить на заявленіи, что власть начальника канцеляріи—распоряжаться строевыми частями—есть,

въ сущности, власть этой канцеляріи, а не его личная, какъ строевого начальника. Нельзя, на примѣръ, сравнить Начальника Главнаго Морского Штаба съ Командующимъ флотомъ и его штабомъ. Послѣдній владѣетъ своими правами независимо отъ обязанностей своего штаба, власть же Начальника Главнаго Морского Штаба опредѣляется функциями этого послѣдняго, и онъ ею владѣетъ не самолично, а какъ глава сего учрежденія. Поэтому мы вполне основательно можемъ утверждать, что права Начальника Главнаго Морского Штаба выражаютъ права этой канцеляріи, и такъ вездѣ, гдѣ личность строевого начальника не отдѣлена отъ административной должности.

Итакъ, строевой флотъ собственно безъ хозяина. Отдѣльными его части предоставлены ихъ непосредственнымъ начальникамъ, а объединяющей ихъ строевой должности не существуетъ. Зато всѣ вспомогательныя отрасли Морского Вѣдомства, обслуживающія боевыя силы, органы администраціи, хозяйства и техники, выдвинулись впередъ и заняли мѣсто хозяина. Изъ нихъ опять таки не одинъ какой-либо распоряжается всецѣло строевыми частями, принимая на себя отвѣтственность за послѣдствія, но они всѣ понемногу имѣютъ право и возможность хозяйничать на корабляхъ и эскадрахъ каждый по своей части, оставляя всю отвѣтственность, за совокупную ихъ дѣятельность, на непосредственныхъ строевыхъ начальникахъ. Очевидно, такой порядокъ имѣетъ только одно названіе: „организация на изнанку“. Но насъ интересуютъ не столько канцеляріи и ихъ способъ существованія, сколько самъ флотъ, и какъ на немъ такое положеніе отражается. Для этого надо войти въ положеніе строевого состава. При всемъ усердіи и добросовѣстности у каждого человѣка все-таки „своя рубашка ближе къ тѣлу“. Поэтому и нашъ строевой начальникъ обратитъ главное вниманіе на ту отрасль своей дѣятельности, гдѣ онъ больше всего рискуетъ поплатиться. При нашихъ порядкахъ наиболѣе суровая отвѣтственность лежитъ на командирахъ по части хозяйства. За униженія въ этомъ направленіи они отвѣчаютъ не только дисциплинарно, но и имущественно. Для бѣднаго офицера страшнѣе даже самый мелкій недочетъ по хозяйству, такъ какъ онъ ложится не только на него самого, но и на его семью, въ видѣ сокращенія средствъ къ жизни. Неудивительно, что главная забота нашихъ командировъ сосредоточена: на денежныхъ оборотахъ, на правильномъ веденіи отчетности, на оправдательныхъ документахъ, на наблюденіи за расходами и т. п.

Если принять въ расчетъ, насколько все это у насъ сложно и мелочно, то легко представить себѣ, какъ много времени оно беретъ, и какъ много оно поглощаетъ вниманія и работы. Второе мѣсто, по своей интенсивности, занимаетъ ответственность по матеріальной части и по технике. Аваріи, поломки и неисправности механизмовъ и вооруженія влекутъ за собою расходъ, а этого наша администрація нуще всего не любитъ. На этой почвѣ легче всего получить неприятность, а при болѣе значительныхъ поврежденіяхъ даже удостоиться судебного преслѣдованія. Поэтому въ нашемъ флотѣ развилась необычайная осторожность и отвращеніе ко всякому риску. Сохранить въ цѣлости судно и все его принадлежности вотъ вторая, по важности, забота нашего командира. На третьемъ планѣ уже стоитъ ответственность по распоряженіямъ административнымъ, выполненіе программы плаванія, порядокъ службы, обученіе и практика. Тутъ уже не можетъ предвидѣться особенно точной провѣрки. Начальство находится на берегу и требуетъ, чтобы его распоряженія были исполнены, но какъ и съ какой пользой—оно не имѣетъ средствъ убѣдиться. Провѣряется все это лишь на смотрѣхъ. А тамъ, какъ извѣстно, главное—показная сторона, и естественно на эту сторону и обращено особое вниманіе строевыхъ начальниковъ. Чистота, поверхностное приспособленіе необученныхъ людей къ рейдовымъ ученіямъ, замазываніе недостатковъ въ комплектаціи и въ подготовкѣ для полученія сноснаго впечатлѣнія на смотрѣхъ—вотъ къ чему стремится нашъ строй въ плаваніи. Стрѣльбы, походы и якобы боевыя упражненія выполняются кое какъ, съ недостаточными средствами, съ необученными людьми и почти безъ результатовъ, чтобы имѣть возможность записать ихъ въ журналы и предъявить на смотрѣхъ. По знакомому выраженію—отбываются номера, и все это не по небрежности или по нежеланію сдѣлать дѣло, а потому что нельзя иначе выполнить требованія отсутствующаго начальства.

Наконецъ, самое послѣднее мѣсто занимаетъ ответственность за боевое состояніе корабля. Этотъ вопросъ вполне предоставленъ благоусмотрѣнію начальника эскадры и командировъ. Начальства, предъявляющаго требованія въ этомъ направленіи, нѣтъ ни на берегу, ни на водѣ. Кто станетъ и кто можетъ провѣрять: нравственное состояніе команды и офицеровъ, ихъ сплоченность, духъ и дисциплину, однимъ словомъ ихъ боевыя качества? Такого начальства нѣтъ. Чтобы судить объ этихъ вещахъ, надо близко знать и часто видѣть подчиненныхъ, а главное—надо придавать

значеніе этому элементу. Надо быть строевымъ начальникомъ, предназначеннымъ сражаться съ этимъ комплектомъ людей; но таковыхъ, какъ извѣстно, у насъ нѣтъ. О дисциплинѣ судить по штрафнымъ журналамъ и по судебнымъ дѣламъ. Но тутъ для хорошаго показного результата существуетъ очень простое средство: смотрѣть сквозь пальцы на поведеніе подчиненныхъ. Если, при этомъ, не случится явнаго бунта, то все окажется благополучнымъ. То же самое надо сказать относительно обученія и практики личного состава и приспособленія матеріальной части къ бою. Нѣтъ такого вышшаго органа, который бы заботился обо всемъ этомъ и требовалъ серьезныхъ результатовъ. Учрежденія, занятые этими вопросами, озабочены ими лишь теоретически и совершенно не заинтересованы ихъ осуществленіемъ. Они въ бой не пойдутъ. Фактъ этотъ выясняется при самомъ бѣгломъ сравненіи огромныхъ требованій военного опыта и того, что у насъ дѣлается. Сколько слѣдовало бы стрѣлять, и сколько мы стрѣляемъ? Сколько бы слѣдовало ходить, и какимъ ходомъ, и какъ мы ходимъ? Какія знанія требуются: отъ матросовъ, отъ кочегара, машиниста, комендора, и какими знаніями обладаютъ наши мужики? Да не стоитъ перечислять. Мы все знаемъ, что нѣтъ ни одного элемента боевой силы нашего флота, отвѣчающаго боевымъ потребностямъ. И просто потому, что некому требовать, некому настаивать. Заинтересованныя лица не облечены властью, а имущія власть не заинтересованы. Для осуществленія всего этого требуется преодолѣть множество препятствій, а для послѣдняго надо обладать достаточною властью. Все существующее начальство скорѣе склонно ставить, нежели удалить эти препятствія. Для боевой практики нужны матеріальныя средства, а хозяйственные и техническія учрежденія заинтересованы въ экономіи и сохранности матеріаловъ; для удовлетворительнаго и основательнаго обученія личного состава и практики нужно время и большіе расходы, а администрація заинтересована быстрыми и полными результатами съ данными средствами. Но такъ какъ власть въ рукахъ именно этихъ отраслей, то и препятствія военному образованію стоятъ непреодолимо. И не по злой воли кого-либо, а просто въ силу обыкновеннаго принципа, что и здѣсь: „своя рубашка ближе къ тѣлу“. Каждое учрежденіе, естественно, отстаиваетъ свои интересы и при томъ весьма энергично. Попробуй-ка строевой адмиралъ или командиръ отстаивать боевое развитіе своей части. Онъ вездѣ потерпитъ фіаско. Пусть заявитъ, что лафеты отъ стрѣльбы ломаются; ему Технической Комитетъ немедленно докажетъ, что это произошло отъ неосто-

рожного обращенія. Пусть объяснитъ, что у него на кораблѣ сбродъ, а не военная команда. Его же обвинять въ неумѣнн обучать ихъ. Тутъ нѣтъ ни просвѣта, ни надежды. Заступитесь кому. Вся власть въ рукахъ естественныхъ противниковъ развитія боевой силы, а противовѣса нѣтъ. Нѣтъ строевого начальника, заинтересованнаго въ военномъ значеніи флота и съ достаточной властью, чтобы заставить остальныхъ подчиниться его требованіямъ. Организация названку создала и строевую службу названку. Вспомогательные элементы флота у власти, и боевое его значеніе игнорируется.

Изъ всего предыдущаго станеть ясно, до какой степени флотъ нуждается въ высшемъ строевомъ начальствѣ. Совершенно необходимо отдать его въ руки людей, предназначенныхъ вести его въ бой и обладающихъ достаточной властью, чтобы осадить забравшіяся не на свое мѣсто второстепенныя учрежденія, чтобы заставить ихъ служить флоту, а не наоборотъ.

Учрежденія
и люди.

Теперь перейдемъ къ вопросу о связи между начальниками и подчиненными, о нравственномъ основаніи дисциплины. Тутъ мнѣ придется еще энергичнѣе, нежели раньше, возставать противъ незаконной власти канцелярій и бумаги, а потому необходимо, во избѣжаніе недоразумѣній предпослать одно объясненіе. Я хотѣлъ бы ясно и опредѣленно подтвердить, что я отнюдь не желаю бросить тѣнь на дѣятельность людей въ министерствѣ или въ другихъ учрежденіяхъ, носящихъ характеръ канцелярій. Нахожу недостойными нападки въ родѣ тѣхъ, которыми осыпалъ Н. Л. Кладочинъ Главнаго Морского Штаба. Его обвиненія и эпитеты не только неумѣтны, они главнымъ образомъ несправедливы. Я знаю, не хуже другихъ, какъ много и какъ старательно наши товарищи въ этихъ учрежденіяхъ работаютъ. Я даже убѣжденъ, что они трудятся больше другихъ. По временамъ они прямо-таки завалены работой. Если я постараюсь показать весь вредъ, принесенный флоту вслѣдствіе сосредоточенія власти въ министерскихъ канцелярійхъ, то я одновременно желаю подчеркнуть, что это произошло отнюдь не по вѣнѣ людей, исполняющихъ ихъ работу, а въ силу неправильныхъ отношеній и невѣрно поставленныхъ принципиальныхъ вопросовъ, вслѣдствіе совершенно негодной организаціи. Взаимная зависимость разныхъ органовъ администраціи и строевого флота такъ построена, что чѣмъ энергичнѣе они работаютъ, тѣмъ больше они сталкиваются и другъ другу мѣшаютъ, и тѣмъ болѣе страдаетъ общее дѣло. Неправильное строеніе нашей организаціи

развилося вслѣдствіе ошибочныхъ взглядовъ и невѣрной оцѣнки факторовъ, основанной на неудовлетворительномъ военномъ воспитаніи нашего личнаго состава. Все управленіе нашего флота стало на невѣрную точку зрѣнія, и отсюда вся перспектива оказалась ложной. А чѣмъ упорнѣе напирать въ ложномъ направленіи, тѣмъ хуже результатъ. Отмѣтимъ одинъ фактъ. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ во главѣ нашей администраціи стояли, безспорно, способные и энергичные люди, и именно это время отличилось наибольшими бѣдствіями для флота. Подъ предводительствомъ воодушевленныхъ вождей, канцелярій предприняли грандіозный штурмъ на строй и окончательно разорили весь его личный составъ, оставивъ на мѣстѣ боя вмѣсто флота бутяфорскую матеріальную часть. Совершенно естественно, что служащіе въ канцелярійхъ смотрятъ на вещи съ ея точки зрѣнія и отстаиваютъ ея интересы. Иначе они поступали бы недобросовѣстно. Если же ихъ дѣятельность вредно отзывается на общемъ дѣлѣ, то только потому, что они этого не замѣчаютъ. Если я выстрѣлю по своему кораблю изъ ружья, то это опасно, а если изъ 12^о орудія, то это гораздо хуже. Такъ, канцелярская власть бездѣйствующая вредна, а энергично угнетающая флотъ гораздо вреднѣе. Не въ томъ дѣло, что наши канцелярійхъ плохо работаютъ, а въ томъ, что ихъ работа есть стрѣльба по своимъ. Вотъ что надо выяснитъ, и объ этомъ только я хлопочу.

Вопросъ о нравственной подкладкѣ дисциплины, о взаимномъ знакомствѣ и довѣрїи на практикѣ сводится къ правиламъ прохожденія службы личнаго состава. Онъ весь опредѣляется способомъ воспитанія и распредѣленія людей. Во второй главѣ этой статьи много по этому поводу говорилось, и мы пришли къ выводу, что для удовлетворительной внутренней связи между начальниками и подчиненными требуется: долгая совместная служба, личное знакомство, тщательная пригонка начальниковъ къ подчиненнымъ частямъ и безусловное право всякаго начальника — выбирать своихъ непосредственныхъ подчиненныхъ по своему вкусу.

Лѣтъ тридцать тому назадъ эти условія до нѣкоторой степени исполнялись. Въ экипажахъ личный составъ былъ довольно постоянный, также на заграничныхъ корабляхъ. Престижъ начальниковъ былъ высокъ, имъ предоставлялась значительная свобода выбора подчиненныхъ, но все это держалось скорѣе въ силу обычая, нежели сознаніемъ необходимости и закономъ. Уже тогда начали развиваться симптомы ослабленія военного начала,

Нравственная
связь между
начальниками
и подчинен-
ными.

вследствие соединения строевой власти и административной въ высшемъ начальствѣ. Временно строй еще держался авторитетомъ двухъ трехъ боевыхъ адмираловъ, но съ уходомъ этихъ лицъ онъ все больше оттирался, и центръ дѣятельности все больше перемѣщался въ министерство.

Положеніе о
морскомъ
цензѣ.

Наконецъ, матеріальное обезпеченіе флота, необходимость встрѣтить неотложныя требованія быстро развивающейся численности судовъ сообщили всему дѣлу сильный толчекъ, и вотъ въ 1885 году появилось знаменитое Положеніе о морскомъ цензѣ. Законъ этотъ въ свое время и до послѣднихъ дней подвергался сильнѣйшимъ нападкамъ, и онъ дѣйствительно принесъ неисчислимый вредъ нашему флоту. Любопытно разобратъ въ чемъ, собственно, заключается его деморализующее начало. На первый взглядъ его требованія, казалось бы, не выражаютъ ничего худого. Онъ явно стремится привлечь офицеровъ къ службѣ на морѣ, онъ старается обезпечить необходимую опытность и практику за начальниками, онъ вообще озабоченъ перенесеніемъ центра тяжести службы съ берега на воду. Онъ требуетъ, чтобы офицеры плавали, и основываетъ свой критерій ихъ способностей на морскомъ опытѣ. Что же тутъ дурного? Все это очень симпатично и даже необходимо, особенно при преимущественно сухопутномъ характерѣ тогдашней нашей службы. А между тѣмъ результатъ его на дѣлѣ оказался изумительнымъ по своей разрушительной силѣ для нравственныхъ основъ флота.

Дѣло въ томъ, что составители этого Положенія были люди не военные и не строевые. Они сами стояли на невѣрной точкѣ зрѣнія и поставили весь новый законъ на ошибочныхъ основаніяхъ. Центръ флота — боевой корабль. Его существованіе только оправдываетъ бытіе Морского Відомства. Если мы желаемъ получить вѣрное понятіе о какомъ бы то ни было предметѣ въ этомъ послѣднемъ, то должны его разсматривать съ палубы корабля. Положеніе же о морскомъ цензѣ смотритъ на флотъ изъ оконъ Главнаго Адмиралтейства, и отсюда получается совершенно обманчивая перспектива. Намѣренія у него правильныя, но глазъ не вѣренъ. Онъ не могъ ихъ примѣнить. Относительное значеніе составныхъ элементовъ флота представилось ему въ превратномъ видѣ. Предметы первой важности показались ему далекими и затуманенными, зато второстепенныя явленія были ему близки и отчетливо бросались въ глаза. Вследствие этого обмана зрѣнія точка приложенія силы новаго закона оказалась не противъ

центра тяжести, а сбоку, и наши организаторы не двинули флотъ впередъ, а опрокинули его.

Первый грѣхъ Положенія о морскомъ цензѣ, совершенный по непониманію условій военного быта, есть огромное упущеніе. Оно совершенно игнорируетъ интересы корабля. Послѣдній для него какъ будто не существуетъ. Нашимъ законодателямъ изъ оконъ Адмиралтейства корабль казался стальнымъ корпусомъ съ машинами, съ броней, съ пушками, съ минами, съ мачтами и трубами, съ массой техническихъ приспособленій, требующихъ специальныхъ знаній, но корабля въ смыслѣ строевой части, въ смыслѣ сплоченнаго матеріала людей съ его нравственными требованіями они вовсе не замѣтили. Они писали свои статьи безъ малѣйшаго вниманія на возможное ихъ воздѣйствіе на цѣльность корабля, какъ боевой части. Тутъ сказалось отсутствіе представителя строя, который могъ бы завить: „Постойте, господа, что вы дѣлаете? Что же станеть съ кораблями при вашихъ порадкахъ? Вы учите, вы совершенствуете офицеровъ, вы можете быть доведете ихъ до идеала знаній и опытности, но вы разоряете корабли. Суда не предназначены для путешествія господъ офицеровъ съ образовательной цѣлью. Они назначены для боя. Имъ принадлежит личный составъ, каждому свой, а не наоборотъ. Примите мѣры къ вашему новому законѣ, чтобы ихъ права не нарушались“. Но такого голоса не оказалось, или, скорѣе, гѣхъ, кто говорилъ, не слушали. Строй уже былъ въ загонѣ. Ни одинъ параграфъ Положенія о морскомъ цензѣ не ограждаетъ интересовъ корабля. Одна статья даже говоритъ, что надо, по возможности, всемъ дать выплавать цензъ. Значитъ, вози всехъ по-очереди путешествовать съ образовательной цѣлью. Вотъ въ короткихъ словахъ весь смыслъ положенія о цензѣ. Погнались за образованіемъ и совершенно забыли о воспитаніи. Это чисто штатскій взглядъ на вещи. Вообразили, что если человека обучить всемъ отраслямъ военно-морского искусства, то онъ уже и военный. Мы очутились все въ положеніи датскихъ или японскихъ офицеровъ, въ свое время прикомандированныхъ къ нашему флоту и плававшихъ на нашихъ судахъ для ознакомленія съ ними.

И это все такъ пошло, и пошло путешествующее начало не только на корабляхъ, но и по кораблямъ. Оно поощралось еще и тѣмъ, что число плаваній составляло карьеру, и каждый прискивалъ себѣ путь повыгоднѣе для собиранія ценза, кочуя съ этой цѣлью безъ усталы и безъ зазрѣнія совѣсти съ судна на

Игнориро-
ваніе строе-
вого ко-
рабля.

судно. Старшим чинам удавалось даже урывать ценз, не присутствуя на корабль, где они плавали. Всеми этому никто не препятствовал. Строй не имел никакого голоса, вся распорядительная власть была, как мы еще ниже увидим, отнята у него и сосредоточена в петербургских канцеляриях, а последние ничего худого в этой подвижности не усматривали. Образованию она не мешала, напротив—она придавала ему разнообразность, а о сплоченности личного состава, цельности военных частей, нравственной связи в дисциплине и боевой сомнительности они ничего не подозревали. Существование таких потребностей относилось к области отвлеченной теории. О необходимости личной связи чинов корабля параграфы закона ничего не говорят, значить она не существует. (Очень скоро офицерский состав флота превратился в сборище людей, ищущих пропитания и ценза. Немногие простодушные люди продолжали исполнять службу из любви к делу и, привязавшись к своим судам, старались не покидать их. Большинство руководствовалось чисто эгоистическими и личными соображениями. Корабли, как строевые части, были без всякой внутренней связи. Командиры безпрестанно мѣнялись. Хорошо, если они оставались по 2 года, а то бывали и по 2 мѣсяца. Офицерство еще чаще мѣнилось, особенно молодежь. С кораблем не успевали познакомиться, не то чтобы полюбить его. Нижних чинов даже в лицо не звали. С товарищами в каютъ-компани не успевали сдружиться. Корабли потеряли всякую индивидуальность и служили лишь средством для меркантильных расчетов. Къ чему тут люди могли привязаться? Нравственная пустота служебной атмосферы обдавала холодом, и пребывание на кораблях становилось неприятным.)

Вместо сплоченности появились центробѣжные стремления личного состава. Офицеры считали дни до окончания ценза, а нижние чины—до выхода в запасъ. Командиры и старшие офицеры подавали примѣръ и выражали досаду, если их держали на судне больше установленной нормы. Можно себя представить—как все это отразилось на дисциплине, на взаимном доверии и на престижѣ власти. Начальство мѣнилось как в калейдоскопѣ. Никто его не знал, никто ему не доверялъ. Рѣдко какой командиръ или адмиралъ пользовался любовью и довериемъ подчиненных, и то больше, если знали, что онъ не сочувствуетъ цензу. Зато появились какія-то никому невѣдомыя лица для отбывания ценза, въ которыхъ не только

офицеры, но даже команда относилась насмѣшливо, почти съ ненавистью. Молодежь требовала идеаловъ и никакъ не хотѣла помириться съ торгашеской постановкой службы. Отношение къ начальству установилось одно: критика и осужденіе. Прочтите любой дневникъ или записки молодого офицера за время войны. Основная тема каждой изъ нихъ—насмѣшливое, неприязненное осужденіе начальства, ироническая критика каждого его движенія. И это вовсе не вызывалось обстоятельствами войны. Тутъ начальство вовсе не такъ уже плохо распорядилось. Но такіе отношенія установились за долгое время дѣйствія ценза. Что команда думала, видно по ихъ поведенію при возвращеніи съ войны. И съ такими отношеніями въ нашемъ личномъ составѣ мы надѣялись побѣдить врага! Нѣтъ, жестоко поплавились наши организаторы за попытку управлять флотомъ безъ участія главнаго его лица—строевого корабля. Они составили счетъ безъ хозяина, а послѣдній просто на просто вычеркнулъ все ихъ расчеты и уничтожилъ все ихъ ожиданія.

Второй грѣхъ, совершенный Положеніемъ о морскомъ цензѣ, уже не пассивный, а активный. Составители его воображали, что они, въ Главномъ Адмиралтействѣ, занимаютъ центральное положеніе во флотѣ, и что то учрежденіе наиболѣе компетентно судить о свойствахъ личного состава, въ которомъ стекаются все бумажныя свѣдѣнія о послѣднемъ. Но они сильно ошиблись. Центральное положеніе во флотѣ занимаетъ строевой корабль, отсюда гораздо вѣрнѣе оцѣниваются всякія явленія въ Морскомъ Вѣдомствѣ. Оттуда и качества людей гораздо виднѣе. Однако, Положеніе о морскомъ цензѣ было другого мѣнія и отважилось поручить всю оцѣнку и все распределеніе личного состава канцеляріи Главнаго Морского Штаба, оставивъ строевымъ начальникамъ лишь тѣнь участія въ этомъ дѣлѣ. Результатъ получился какой слѣдовало ожидать. Главный Штабъ офицеровъ не знаетъ и знать не можетъ. Онъ ихъ никогда не видитъ, съ ними не служитъ и не приходитъ въ соприкосновеніе. Ему приходится ограничиваться бумажными свѣдѣніями. Поэтому надо было создать шаблонъ, устанавливающій масштабъ для этой бумажной оцѣнки. Шаблонъ этотъ и есть Положеніе о морскомъ цензѣ. По немъ офицеръ оцѣнивается во-первыхъ, по поступающимъ аттестаціямъ, дающимъ, какъ мы уже раньше говорили, крайне поверхностное понятіе о человѣкѣ, а иногда даже выражающимъ диаметрально противоположныя мѣнія, въ зависимости отъ требованій началь-

ника, а во-вторыхъ, главнымъ образомъ, по времени, проведенномъ на морѣ. Трогательна вѣра сухопутной канцелярїи въ чудодейственную силу воды. Пробыль человекъ известное время на морѣ и готовъ на всякіе подвиги. Обыкновенно, о достоинствахъ школы или воспитательнаго заведенїя судятъ по людямъ, руководившимъ ими. У насъ же, видимо, не такъ. Достаточно близости воды. Правда, Положеніе о морскомъ цензѣ дѣлаетъ различіе между строевымъ судномъ и транспортомъ. Последний образываетъ строевого офицера медленнѣе, чѣмъ первый. Должно быть на транспортѣ суше.

Наивная простота бумажной оцѣнки располагаетъ къ шуткамъ, но одно несомнѣнно ясно, что примѣненіе шаблона не даетъ никакого понятїя о действительномъ характерѣ и способностяхъ людей. Самыя требованїя ценза были бы безвредны и даже полезны, если бы личный составъ остался въ вѣдѣніи своихъ начальниковъ, знающихъ офицеровъ независимо отъ числа плаваній. Но такъ судьба его оказалась въ рукахъ постороннихъ лицъ, беспомощныхъ исполнять свою задачу. Въ самомъ дѣлѣ, что же канцелярїя можетъ дѣлать? Имѣются длинные списки съ ничего не говорящими фамиліями. Имѣются аттестаціи начальниковъ, вовсе не заинтересованныхъ въ дачѣ точной и строгой оцѣнки. Они аттестовываютъ человека не для непосредственнаго назначенїя, а вообще для свѣдѣнїя начальства. Конечно, они очень снисходительны. Часто даже хвалятъ человека, чтобы отъ него избавиться. По аттестаціямъ—болѣе или менѣе все хороши. Отгѣнки въ ихъ тонѣ зависятъ болѣе отъ характера аттестующаго, нежели отъ качествъ аттестованнаго. На нихъ, вполнѣ справедливо, мало обращаютъ вниманїя.

Кое-что Главный Морской Штабъ, впрочемъ, знаетъ про офицеровъ: по личному знакомству служащихъ въ немъ, по разговорамъ товарищей, по слухамъ и происшествїямъ. Нечего сказать, что такія свѣдѣнїя крайне отрывисты, не точны и могутъ дать поводъ лишь къ вреднѣйшему подпольному кумовству. Бываютъ еще отдѣльные выдающїеся случаи, когда то или другое лицо особенно выдѣляется въ отрицательную или положительную сторону. Тогда, конечно, и въ канцелярїи фамилія его получаетъ нѣкоторую окраску, но огромное большинство таковыхъ въ спискахъ Штаба остается ничего не значущимъ сочетанїемъ буквъ.

Остается послужной списокъ и цензовый листъ. Но эти данныя нисколько не обрисовываютъ личности. Въ результатѣ, при этомъ способѣ управленїя, огромное большинство служащихъ

оказывается обезличенными. Нельзя отрицать, что и по Положенію о цензѣ назначенїя дѣлаются по представленію начальниковъ, но на дѣлѣ оказалось, что этого требованїя выполнить просто невозможно. Во-первыхъ, при двойномъ строѣ не хватило офицеровъ и для экипажей и для судовъ. Приходилось, по мѣрѣ необходимости, временно затыкать ваканціи, что влекло за собою постоянные переводы. Во-вторыхъ, условїя ценза были составлены такъ односторонне, рамки шаблона были такія узкія, что личный составъ оказался прижатымъ къ стѣнѣ. Надо было или точно выполнить условїя ценза или немедленно покинуть службу.

Вслѣдствіе этого появилась необходимость точнаго соблюденїя очереди. Нарушенїе этой очереди явилось бы несправедливостью, такъ какъ назначенїе на отвѣтственную должность не считалось почетнымъ отличїемъ, а суровой необходимостью, несоблюденїе которой влекло за собою потерю службы. Бумажный шаблонъ породилъ бумажную справедливость, гдѣ личныя качества человека не играли никакой роли, а только мѣсто, занимаемое имъ въ спискѣ. При такихъ условїяхъ согласоваться съ желанїями начальниковъ было немыслимо. Кандидаты въ должности точно опредѣлялись графами списковъ. Выборъ изъ ихъ числа могъ предоставляться одному двумъ начальникамъ, а затѣмъ остальныхъ приходилось все равно назначать, а то неповинные люди лишались бы куска хлѣба. Надо было мириться съ тѣмъ, что многіе изъ нихъ были совершенно не подходящи къ занимаемымъ ими должностямъ. Бумажный шаблонъ прижалъ къ стѣнѣ не только подчиненныхъ, но и начальство. Власть оказалась въ рукахъ бездушннй бумажки, которая сама себя приказывала. Выполненїе ея предопредѣленнй свелось къ механической писарской работѣ. Не только личность опекаемыхъ, но даже воля распорядителей свелась на нѣтъ. Чрезмѣрная централизациа возымѣла свой обыденный результатъ: беспомощность власти.

Окончательное исчезновенїе значенїя личности въ служебной карьерѣ нашего офицерства очень скоро отразилось на его дѣятельности. Сначала законъ о цензѣ былъ принятъ строевымъ составомъ крайне недружелюбно. И странно, при его уравнивающихъ началахъ, при всей безпристрастности его, деревянной жесткости первое противъ него возраженїе опредѣлилось словомъ „произволь“. Тутъ скорѣе инстинктивно, нежели сознательно, выразилось предчувствїе, что власть надъ личной судьбой служащихъ передана не по принадлежности. Чувство, руководящее оппозиціей новому порядку, совершенно аналогично мотивамъ,

по которымъ человекъ готовъ принять и порицаніе и осужденіе отъ близкихъ родственниковъ и друзей, но совершенно не допускаетъ подобнаго права надъ собой постороннихъ людей. Такъ, никто никогда не находилъ обиднымъ, если строевой начальникъ принималъ желающихъ на должность ему подчиненную или отказывалъ по своему усмотрѣнію, если онъ списывалъ или перемѣщавалъ своихъ помощниковъ по своему желанію. Онъ за все отвѣчалъ; онъ людей лично зналъ; за нимъ признавался достаточный нравственный авторитетъ, дающій ему это право. Совсѣмъ другое дѣло, если на ту же точку становилась петербургская, кронштадская или иная канцелярія. Она людей не могла знать. Она должна была точно придерживаться бумажной очереди. Тогда болѣе способные и работающіе считали свои заслуги недостаточно оцененными. Если же она позволяла себѣ отступленія отъ очереди, то немедленно обиженные приписывали свою неудачу подпольнымъ интригамъ. Какъ бы она ни поступала, всегда появлялись обвиненія въ несправедливости. Бумага присвоила себѣ власть, и ее немедленно объявили узурпаторомъ. Посыпались протесты, насмѣшки. Наши же бюрократы были такъ далеки отъ всякаго пониманія требованій жизни, что они приписывали эти явленія нежеланію плавать и работать, и принимали самыя суровыя мѣры къ ихъ подавленію. Итакъ, первымъ результатомъ воцаренія бумаги были антагонизмъ и взаимное недоверіе начальниковъ и подчиненныхъ.

Послѣдствія
ценза.

Практическимъ послѣдствіемъ новаго закона было массовое бѣгство изъ флота. При этомъ старанія привлечь офицеровъ на корабли—создали такія льготы для много плававшихъ, что ими воспользовались именно самые опытные и энергичные строевики. Для нихъ новый режимъ оказался наиболѣе невыносимъ. Способные и дѣятельные люди хуже всего переносятъ обезличиваніе. Осталась молодежь и люди, менѣе чувствительные къ общему дѣлу или неимѣющіе возможности уйти вслѣдствіе прежней вполнѣ сухопутной службы и принужденные теперь начать свою морскую карьеру. Изъ такихъ людей и составился отнынѣ, главнымъ образомъ, элементъ руководителей и вождей нашего флота.

Дальнѣйшее поведеніе нашего личнаго состава, подъ автоматичной регулировкой ценза, всѣмъ извѣстно. Оно отличалось полной апатіей къ общему дѣлу и преобладаніемъ личныхъ интересовъ. Работали настолько, насколько это нужно было для

достиженія индивидуальныхъ цѣлей, а на благополучіе флота всѣ махнули рукой. Сознали, что ничего не подѣлаешь. Корабли и вообще вся матеріальная часть скверная, произведеніе какого-то безыменнаго хаоса, команда и офицеры на нихъ временные, другъ другу чужіе, начальники безъ всякаго престижа, безъ правъ и авторитета, предметъ критики и насмѣшекъ подчиненныхъ, вся обстановка обученія и образованія бутафорская, собственная судьба каждаго точно predetermined параграфами списковъ, такъ что для совершенія карьеры требовалось только время,—вотъ условія, при которыхъ нашъ флотъ ценивалъ, утѣшая себя надеждой, что авось войны не будетъ. Усилія отдельныхъ людей пропадали безслѣдно. Всякая инициатива, всякое напряженіе воли поглощалось инертностью коллегіальнаго начала и бумажнаго predetermined.

О воспитаніи военнаго духа и военнаго сознанія въ такой средѣ, конечно, и говорить нечего. Напротивъ, она все болѣе развивала и укрѣпляла ложные взгляды и превратныя понятія. Люди, вышедшіе изъ нея и привыкшіе къ ней, совершенно потеряли способность оцѣнки элементовъ военнаго быта. Этимъ только и можетъ объясниться количество грубѣйшихъ стратегическихъ, тактическихъ и организаторскихъ ошибокъ, совершенныхъ до и во время войны. Послѣ обезличенія строевого состава его значеніе все болѣе отодвигалось на задній планъ, пока его роль въ экономіи военнаго дѣла не сошла до общаго уровня значенія труда въ некультурномъ нашемъ отечествѣ. Дикіе народы отличаются неспособностью оцѣнить такую отвлеченную величину, какъ человѣческую работу, а особенно умственную. Деньги и матеріаль имъ всегда кажутся несравненно цѣннѣе. Самъ трудъ оцѣнивается не по качеству, а по количеству. Готовы вознаграждать лишь тяжесть усилія и его продолжительность, и то самой мелкой монетой. Объ оцѣнкѣ труда по его значенію для окружающихъ и по его вліянію на исходъ дѣла малоразвитые люди понятія не имѣютъ. Такая комбинація для нихъ слишкомъ сложна и можетъ признаваться лишь въ болѣе образованномъ обществѣ. У насъ въ Россіи въ общей массѣ мы, къ сожалѣнію, до этого еще не дошли, и дѣтская оцѣнка цѣнностей есть одинъ изъ главныхъ тормазовъ нашему развитію. Но во флотѣ могли бы преобладать болѣе интеллигентныя взгляды. Надо сказать, что военный флотъ съ его сложной организаціей и интенсивной сосредоточенностью силы есть пробный камень для культурности обладающаго имъ народа, такъ что въ этомъ отношеніи намъ

особенно трудно. Однако, онъ прежде стоялъ болѣе высоко, и только послѣ введенія ценза мы уравнились съ нашими чиновниками и купцами въ пренебреженіи къ личному составу, которое для военнаго быта просто на просто абсурдъ. Доказательства къ сожалѣнію, на лицо. Какъ иначе назвать обезличиваніе всего строевого состава служащихъ? Что же другое вооруженный резервъ, направленный къ сохраненію денегъ и матеріала и къ явному ущербу судовыхъ командъ. Какъ вообще смотрѣть на постоянное стремленіе сократить расходы на содержаніе людей при сравнительной расточительности на матеріальную часть? Наши учебныя заведенія, наши школы и специальности постоянно страдаютъ отъ недостатка средствъ и людей. Намъ говорятъ: готовьте специалистовъ кое-какъ, на строевыхъ корабляхъ, за недостаткомъ школъ, и въ то же время эти домашніе дѣятели портятъ и ломаютъ механизмы на сотни тысячъ рублей. Въ то время какъ Высочайшая воля, озабоченная благополучіемъ личнаго состава, стремилась къ улучшенію его матеріальныхъ средствъ, администрація подъ рукой сокращала всякія льготы и преимущества въ видѣ суточныхъ, прогонныхъ и т. д. Развѣ это вѣрная оцѣнка цѣнностей? Даже въ способѣ выдачи наградъ во время войны проглядываетъ тотъ же образъ мышленія. „Варягъ“ потопилъ самого себя, но онъ пострадалъ. Всѣмъ офицерамъ дали Георгіевскіе кресты. „Амуръ“ потопилъ два непріятельскихъ броненосца, но опасность для него самого была не такая явная, хотя на самомъ дѣлѣ она была. Получилъ Георгіевскій крестъ одинъ командиръ. Видно, и тутъ цѣнится не сдѣланное дѣло, а страданіе. „Терпи казакъ, атаманомъ будешь“.

Изъ всего этого мы видимъ—какія пагубныя послѣдствія имѣла простая ошибка въ постановкѣ принципиальнаго вопроса. Мы не признали строевой корабль центромъ нашихъ позицій, мы вообразили его, т. е. центръ, въ такъ называемыхъ центральныхъ учрежденіяхъ. Мы создали бумажнаго автомата, и онъ насъ погубилъ, отнявъ у насъ даже тѣ крохи культуры, которыя мы приобрѣли въ прошломъ.

Теперь прежній цензъ отмененъ. Но много ли перемѣнилось? По правдѣ сказать мы приняли только полумѣры. Вѣдь въ сущности новое положеніе о прохожденіи службы тоже шаблонъ. Мы только замѣнили старый шаблонъ другимъ, а остальное все осталось попрежнему. Уже со всѣхъ сторонъ слышются жалобы, что новое положеніе также не удовлетворяетъ. Очень естественно,

потому что строй не возстановленъ въ своихъ правахъ. По-прежнему осталась бумажная оцѣнка, она даже еще осложнилась. Новые аттестаціонные листы—образецъ бумажной канители. Баллотировки также ничего перемѣнить не могутъ. Вѣдь ихъ задача заключается лишь въ томъ, чтобы дать бумажныя свѣдѣнія канцеляріямъ. Распорядительная власть по старому осталась въ рукахъ этихъ послѣднихъ. Главный недостатокъ признанной негодной системы сохранился. Дѣло управленія личнымъ составомъ въ некомпетентныхъ рукахъ. Тутъ ничего не поможетъ, что начальниками этихъ канцелярій состоятъ опытные и испытанные офицеры. Они тутъ совершенно беспомощны. Они должны подчиняться шаблону и связаны имъ по рукамъ и ногамъ. Наконецъ, и ихъ нравственный авторитетъ только личный, а не принадлежитъ должности. Вѣдь они распоряжаются не своими подчиненными, за которыхъ они отвѣчаютъ, а чужими. Такое право проявлять власть подъ отвѣтственностью другихъ лицъ будетъ всегда вызывать подозрѣнія и недоверіе. Совсѣмъ другая картина получилась бы, если бы Начальникъ Главнаго Морского Штаба превратился въ Командующаго флотомъ, а учрежденіе, начальникомъ котораго онъ теперь состоитъ, въ его штабъ. Тутъ сейчасъ воздухъ прояснился бы, и положеніе приняло бы нормальный видъ. Его непосредственнымъ подчиненнымъ оказался бы флотъ, а не канцелярія, отвѣтственность за его дѣйствія легла бы полностью на его плечи, но зато онъ получилъ бы и полное нравственное право распоряжаться своими подчиненными какъ ему угодно. Власть приобрѣла бы индивидуальность, воля начальства получила бы опредѣленный характеръ, и престижъ его выразился бы въ живомъ лицѣ, на которомъ подчиненные могли бы сосредоточить свои надежды и которому охотно доверили бы свою судьбу. Теперь же при какихъ угодно начальникахъ штабы и канцеляріи остаются анонимами, къ которымъ относятся съ подозрѣніемъ.

Нѣтъ, надо бросить всѣ эти попытки выработать идеальный шаблонъ. Дѣло не въ томъ, что шаблонъ плохъ, а въ томъ, что онъ шаблонъ, и что судьба живыхъ людей отдана во власть бумажныхъ параграфовъ. Личный составъ флота не машина, гдѣ все можетъ быть предопредѣлено задолго впередъ, а это живой организмъ, нуждающійся въ живой головѣ. Управлять имъ могутъ лишь живые люди, олицетворяющіе власть въ своихъ индивидуальныхъ качествахъ, дающихъ опорную точку привязанностямъ и доверію подчиненныхъ. Не надо мѣнить шаблоновъ, а надо воз-

становить значение строя, передавъ власть его начальникамъ. Но пока это невозможно, ибо высшихъ строевыхъ начальниковъ не существуетъ. Такихъ должностей даже нѣтъ въ нашей организаціи.

Настоятельная
потребность
въ строевыхъ
начальникахъ

Съ какой бы стороны ни подойти къ вопросу о состояніи нашего духа и нашей дисциплины, все навязывается одно неуклонное требованіе. Дайте намъ строевыхъ начальниковъ! Флотъ осиротѣлъ, флотъ угнетенъ, флотъ разоренъ, онъ дошелъ до крайности, онъ не можетъ быть безъ начальства. Дайте намъ строевыхъ начальниковъ и дайте ихъ немедленно! Намъ необходимо сплотиться вокругъ опредѣленныхъ лицъ. Намъ надо же знать, кто насъ поведетъ въ бой, и чего этотъ начальникъ отъ насъ потребуетъ. Мы желаемъ на кого-нибудь надѣяться, кому-нибудь повѣрить. Въ настоящую минуту дѣло дошло до того, что строй спасается бѣгствомъ отъ своихъ угнетателей. „Въ море, въ море“! вотъ лозунгъ всѣхъ строевыхъ — „въ море“ и не прекращать кампаніи круглый годъ! Тамъ хоть нѣкоторая возможность сплотиться, избѣгать постоянныхъ перемѣщеній, тамъ хотя какая-нибудь самостоятельность и безопасность отъ посторонняго вмѣшательства. Тамъ хотя и голодно и холодно, но зато подальше отъ экипажей и отъ канцелярій. Но развѣ это хорошо? Гдѣ нашъ центръ? Гдѣ нашъ оплотъ? Гдѣ наше собственное начальство? Создайте его. Безъ него флотъ существовать не можетъ.

Унтеръ-
офицерскій
вопросъ

Теперь обратимся къ послѣдному вопросу нашего краткаго обзора условій дисциплины: о непрерывности связи начальниковъ съ подчиненными отъ самаго верха до самаго низа.

Тутъ мы замѣтимъ, что въ нашемъ строю, кромѣ отсутствія высшихъ начальниковъ, существуетъ еще громадный пробѣлъ въ промежуткѣ между офицерами и нижними чинами. У насъ не хватаетъ цѣлаго сословія военной среды, а именно унтеръ-офицеровъ. То, что у насъ такъ называется, не заслуживаетъ своего названія, такъ какъ совершенно не приспособлено къ выполненію своей важной задачи. Не буду здѣсь затрагивать административную и чисто служебную сторону вопроса. Наши унтеръ-офицеры, какъ всѣмъ извѣстно, слишкомъ поверхностно подготовлены и слишкомъ кратковременно служатъ, чтобы на дѣлѣ явиться помощниками офицеровъ и пользоваться авторитетомъ у матросовъ. Я здѣсь только разберу ихъ роль съ точки зрѣнія нравственныхъ потребностей дисциплины. Мы уже говорили, что

выпускъ одного звена въ іерархіи военачальниковъ влечетъ за собой отдѣленіе всего конца цѣпи, находящагося ниже точки разрыва, такъ что отсутствіе унтеръ-офицеровъ поведетъ къ изъятію изъ подъ вліянія начальства всѣхъ нижнихъ чиновъ. Поэтому намъ надо точно опредѣлить, въ чемъ заключается связывающее свойство унтеръ-офицерскаго званія между офицерами и матросами и обладаютъ ли имъ наши унтеръ-офицеры.

Офицеры разнятся отъ нижнихъ чиновъ въ двухъ отношеніяхъ: по общественному положенію и по служебному. Матросъ происходитъ изъ низшихъ слоевъ населенія мало развитыхъ и бѣдныхъ, офицеръ же принадлежитъ къ болѣе интеллигентнымъ и имущимъ классамъ, такъ называемому привилегированному сословію. Между обоими существуетъ пропасть отъ рожденія, трудно переходимая какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Въ послѣднее время подъ вліяніемъ агитаціи установилось даже прямо-таки враждебное отношеніе мужика къ барину. Но и безъ того умственный и нравственный уровень обоихъ настолько различенъ, что имъ трудно понять другъ друга. Нижний чинъ можетъ уважать и любить начальника, какъ такового, но онъ никогда не будетъ считать его своимъ и будетъ бояться довѣрять ему свои сокровенныя мысли, боясь осужденія. Вообще, нашъ дикарь-мужикъ крайне застѣнчивъ и недоувѣрчивъ. Никакое популярничаніе, никакое братаніе не выведетъ его изъ своей замкнутости. Напротивъ, онъ этого не любитъ. Онъ считаетъ, что баринъ долженъ вести себя, какъ баринъ, а мужикъ вѣдаетъ свое дѣло. Только послѣ очень долгой службы, особенно послѣ военныхъ походовъ или очень продолжительныхъ плаваній, мнѣ приходилось замѣчать, что люди начинаютъ вылѣзать изъ своей скорлупы. Являются общіе интересы, много общихъ воспоминаній и сильныхъ ощущеній, и тутъ нижніе чины начинаютъ довѣряться понемногу и офицерамъ въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ человекъ человеку. Но въ обыкновенное время они для насъ абсолютно непроницаемы. Офицеры, воображающіе, что они знаютъ физиономію своихъ людей, кромѣ служебной, горько ошибаются.

Въ отношеніи службы матросъ отбываетъ повинность, а офицеръ есть представитель власти, заставляющей его служить. Въ мало просвѣщенномъ и наивномъ міросозерцаніи простого народа очень затруднительно отдѣлать личность отъ закона, исполнителя отъ самой власти, такъ что онъ всегда готовъ смѣшать ихъ; офицеръ представляется ему какъ угнетатель, исполняющій свою личную волю. Какъ часто приходится слышать на всѣ доводы и

разсужденія о законахъ, о необходимости исполнить ихъ, о службѣ Царю и отечеству, одинъ отвѣтъ: „Воля Ваша, Ваше Благородіе“. Вслѣдствіе этого матросъ всегда опасается и не доверяетъ офицеру, какъ человѣку, могущему надѣлать ему какія угодно не-пріятности смотря по настроенію.

Эти условія какъ сословныя, такъ и служебныя, ставятъ такую непроницаемую завѣсу между нами и нижними чинами, что о дѣйствительно нравственномъ вліяніи кромѣ массоваго внушенія съ нашей стороны рѣчи быть не можетъ. Мы никогда не знаемъ, какія ихъ истинныя желанія и взгляды, и они къ намъ всегда относятся съ оглядкой.

Вотъ тутъ и нужны люди, обладающіе съ одной стороны способностью проникнуть сквозь эту завѣсу, а съ другой стороны крѣпко связанные съ офицерскимъ составомъ своими интересами и возрѣніями. Они должны быть свои и той и другой сторонѣ и своей личностью осуществлять связь между офицерами и нижними чинами. Эту роль можно осуществить лишь однимъ способомъ, а именно; связывающій элементъ долженъ по общественному положенію принадлежать къ матросамъ, а по службѣ къ офицерамъ. Въ этомъ и заключается существо унтеръ-офицерскаго званія.

Они должны происходить изъ той же среды, что и матросы, но должны быть непременно долговременно служащіе, привыкшіе къ военной обстановкѣ, люди живущіе своей карьерой, зарабатывающіе ею свой кусокъ хлѣба, чтобы ихъ личные интересы совпали съ интересами службы и чтобы они смотрѣли на послѣднюю тѣми же глазами, какъ и ихъ начальники офицеры. Этимъ условіямъ отвѣчаютъ у насъ одни кондуктора. Остальные носители нашивокъ стоятъ такъ же крѣпко по ту сторону завѣсы, какъ и другіе нижніе чины и такъ же недоступны нашему вліянію. Я не стану здѣсь распространяться про другіе ихъ недостатки, неудовлетворительную подготовку какъ по знаніямъ, такъ и по сознанию долга, заставляющую молодыхъ офицеровъ исполнять всю ихъ работу. Подчеркну лишь главный фактъ, что они не могутъ удовлетворять основному требованію, вызвавшему существованіе этого звена военной іерархіи. Они просто на просто вовсе не унтеръ-офицеры. Тутъ опять одна бутафорія. Пока мы не будемъ имѣть комплекта сверхсрочно-служащихъ унтеръ-офицеровъ, до тѣхъ поръ мы не можемъ рассчитывать на какое бы то ни было вліяніе среди массы нижнихъ чиновъ и до тѣхъ поръ о водвореніи дисциплины и думать нечего. Ска-

жутъ мнѣ, какъ же раньше дисциплина держалась? Отвѣчу, что и раньше настоящей дисциплины и настоящей нравственной связи не было. Нашъ простой народъ былъ безгласенъ и застѣчивъ. Въ немъ, а не во флотѣ еще держались традиціи прежнихъ временъ, когда служили по 25 лѣтъ. Онъ исполнялъ требованія безъ возраженія, но и безъ особеннаго воодушевленія. Что онъ при этомъ думалъ, это мы теперь только узнали, когда онъ заговорилъ. Но теперь старыя мирныя времена безвозвратно прошли. Теперь уже необходимость заставляетъ насъ проснуться и озаботиться созданіемъ настоящихъ нравственныхъ связей и подумать о нашемъ на нихъ вліяніи. И тутъ мы оказываемся совершенно безпомощными безъ настоящихъ унтеръ-офицеровъ. Безъ нихъ мы стоимъ передъ крѣпчайшей оградой, за которой всякіе агитаторы, ораторы и другіе новаторы будутъ дѣлать съ нижними нашими чинами что хотятъ, а намъ останется только безпомощно смотрѣть и ожидать, подѣйствуетъ ли агитація, или благоразуміе возьметъ верхъ, бросятся ли на насъ или выгонять агитаторовъ. Мы этому уже видѣли примѣръ на практикѣ. Вспомнимъ „Память Азова“. Кто были главные бунтовщики? Унтеръ-офицеры. Кто главнымъ образомъ повліялъ на команду противодѣйствовать возмущенію? Кондукторы. А офицеры? Они совершенно въ сторонѣ. Они ничего не знали, они первые пострадали и къ нимъ вернулась власть лишь тогда, когда кондукторамъ удалось обратить настроеніе команды.

Вопросъ этотъ для насъ крайне серьезный и поверхностное отношеніе къ качествамъ унтеръ-офицеровъ можетъ еще стоить жизни любому изъ насъ. Бунты еще вовсе не прекратились. Если теперь утихло, то это въ связи съ нѣкоторымъ общимъ успокоеніемъ въ странѣ. Наши нижніе чины вовсе не въ нашихъ рукахъ и настроеніе ихъ вполне зависитъ отъ политическихъ теченій въ народныхъ массахъ. Они тѣсно связаны съ толпой и рѣзко отдѣлены отъ своихъ начальниковъ. Въ случаѣ крупныхъ безпорядковъ флотъ не представляетъ опоры для правительства, а добавочную опасность. Высшее начальство совершенно вѣрно оцѣнило наше состояніе и отбираетъ патроны передъ роспускомъ Государственной Думы. Тутъ первый нашъ шагъ долженъ быть направленъ къ установкѣ связи, чтобы имѣть возможность хотя начать обработку нашего людскаго матеріала. Унтеръ-офицерскій вопросъ есть самый жгучій и самый безотлагательный изъ всѣхъ, ибо отъ него зависитъ не только наше положеніе въ случаѣ войны, но и наше существованіе въ мирное время. Пока онъ не

будетъ удовлетворительно рѣшенъ, до тѣхъ поръ судьба флота будетъ въ рукахъ не его начальниковъ, а случайнаго настроенія командныхъ массъ.

Итогъ
III главы.

Повторимъ еще разъ, что было сказано въ началѣ этой главы. Гдѣ наша традиція? Гдѣ наши войсковыя части? Гдѣ наша сплоченность? Гдѣ наша дисциплина? Гдѣ наше начальство? Гдѣ наша власть надъ подчиненными? По всей линіи отрицательный отвѣтъ. Удивительная у насъ организація, прямо-таки все на изнанку. И получилась она такой вездѣ и всюду по одной и той же причинѣ. Мы во всѣхъ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ стали на невѣрную точку зрѣнія.

Мы вообразили, что центръ Морского Вѣдомства и флота находится въ Министерствѣ, между тѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности на боевомъ кораблѣ. Мы стали разсматривать положеніе и распорядиться изъ Главнаго Адмиралтейства, мы видѣли предметы не съ того конца и все получилось на изнанку. Какъ же теперь поправить дѣло? Очень просто. Надо сначала занять вѣрную точку зрѣнія, стать на палубу корабля. Оттуда сейчасъ увидимъ въ чемъ дѣло.

Заключеніе

Итакъ, станемъ на палубу корабля. Тутъ мы первымъ дѣломъ замѣтимъ, что самъ онъ развалился. Какъ строевая часть, онъ прямо-таки не существуетъ. Надо хлопотать о его ремонтѣ. Но кто-же объ этомъ позаботится? Строевого начальства нѣтъ, а остальные даже нашей тревоги не понимаютъ. Очевидно, первый шагъ къ реформѣ флота долженъ заключаться въ возстановленіи строевого начальства. Первымъ дѣломъ надо поставить во главѣ Морского Вѣдомства строевого начальника прямо съ палубы корабля, чтобы онъ стоялъ на вѣрной точкѣ зрѣнія, предназначеннаго вести флотъ въ бой, чтобы онъ съ этой точки не сходилъ и облеченнаго полной властью, чтобы онъ могъ провести необходимыя мѣры. Затѣмъ предоставить ему дѣйствовать.

Что же онъ сдѣлаетъ? Онъ, очевидно, обратитъ главное свое вниманіе на строевыя суда. Онъ немедленно создастъ ихъ, закрѣпитъ ихъ личный составъ, дастъ имъ необходимыя права и обязанности, обеспечивающія имъ самостоятельное существованіе, и свяжетъ ихъ съ собою прямой линіей начальниковъ. Затѣмъ онъ уберетъ всѣ вредныя вліянія и устранитъ всякое постороннее вмѣшательство. Экипажи онъ, вѣроятно, совсѣмъ уничтожитъ и замѣнитъ ихъ болѣе подходящими вспомогательными частями, а канцелярію, хозяйственную и техническую часть онъ осадитъ на ихъ мѣсто. Личный составъ онъ передастъ въ вѣдѣніе своихъ прямыхъ начальниковъ, а отъ администраціи, отъ хозяйства и техники потребуетъ точнаго, постояннаго и быстрого исполненія своихъ предназначеній.

Присмотрѣвшись къ нимъ, онъ замѣтитъ, что тамъ ему не отъ кого требовать исполненія своихъ приказаній, вслѣдствіе чего онъ немедленно поставитъ во главѣ каждой отрасли поименнаго человѣка съ настоящимъ чиномъ, именемъ, отчествомъ и фамиліей. Отъ нихъ онъ и будетъ требовать добросовѣстной постройки, вооруженія, снабженія и комплектации кораблей. Затѣмъ одной изъ первыхъ его заботъ будетъ созданіе сословія Унтеръ-Офицеровъ,

а къ этому времени уже воздухъ прояснится. Конечно, это будетъ только самое первое начало реформы флота, но все-таки уже будетъ создана работоспособная среда. Дальше все само пойдеть. Какъ только почувствуется определенное направленье и твердая воля, какъ только исполнителями явятся настоящіе живые люди, такъ все зашевелится, все воодушевится. Получится впечатлѣніе судна, снятаго съ мели. Тронулся. Ура! Ура!

Еще нѣсколько словъ о схемѣ управленія флотомъ. Мнѣ пришлось видѣть проектъ Генеральнаго Штаба на эту тему. Казалось бы, что онъ основанъ на разумныхъ началахъ. Отчего бы его не придерживаться? Конечно, тутъ въ деталяхъ можно допускать разныя варіаціи, но основные принципы его неоспоримы. Я хотѣлъ бы повторить, что я уже разъ сказалъ въ этой запискѣ, а именно: основные принципы военной организаціи не подлежатъ обсужденію. Они не мною изобрѣтены въ этой статьѣ, ни Генеральнымъ Штабомъ въ его запискѣ. Они давно извѣстны и опредѣлены и ихъ можно вычитать изъ любого учебника. Если ихъ оспаривать, то можно критиковать и таблицу умноженія на томъ основаніи, что она напечатана въ этомъ учебникѣ, а не въ томъ. Значитъ сомнѣнія могутъ существовать лишь относительно детальнаго способовъ примѣненія. Но изъ-за этого медлить не стоитъ. Вотъ мы уже три года послѣ войны все на томъ же мѣстѣ. Единство власти необходимо, чтобы сдвинуть насъ съ мели. Отчего бы намъ не начать немедленно съ созданія единой полной власти? Наши совѣты и комиссіи насъ все равно никуда не направятъ.